ЗНАНИЕ НАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
педагогический факультет 3'79

Л. С. Айзерман

БЕЗЗАВЕТНОСТЬ ИСКАНИЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эта книга о юноше, обдумывающем свое житье над страницами русской классики и современной советской литературы.

Как воспринимают юные те книги, которые стали в центре творческих обсуждений последних лет, как относятся к тем нравственным проблемам и решениям, которые выносят на суд читателя писатели, что принимают в жизни — обо всем этом рассказывается в книжке, написанной учителем литературы.

-
- ЖИВЫЕ С ЖИВЫМИ
- ЧЕЛОВЕК ДЕЛА И ДЕЛО ЧЕЛОВЕКА
- ТОЛЬКО ОДИН РАЗ
- УРОКИ СОВЕСТИ
- ВРЕМЯ ЖАТЬ И ВРЕМЯ СЕЯТЬ
- В ПОИСКАХ РАДОСТИ
- ДУША И ЛИРА
-
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12

Народный университет. Педагогический факультет № 3, 1979 г. Издается ежемесячно с 1964 г.

Л. С. Айзерман
БЕЗЗАВЕТНОСТЬ ИСКАНИЙ

Издательство «Знание» Москва 1979

А36
74.261.8
Л. С. Айзерман
А36 Беззаветность исканий. М., «Знание», 1979. 96 с. (Нар. ун-т. Пед. фак., 3. Издается ежемесячно с 1964 г.)

Эта книга о юноше, обдумывающем свое житье над страницами русской классики и современной советской литературы.

Как воспринимают юные те книги, которые стали в центре творческих обсуждений последних лет, как относятся к тем нравственным проблемам и решениям, которые выносят на суд читателя писатели, что принимают в жизни — обо всем этом рассказывается в книжке, написанной учителем литературы.

60300
74.261.8
© Издательство «Знание», 1979 г.

ЖИВЫЕ С ЖИВЫМИ

«У каждого человека свои проблемы, у каждого века свои проблемы, всюду проблемы. А как же иначе, ведь это жизнь».

«У меня сейчас неодолимое, страстное желание попытаться понять нашу жизнь, разобраться в ней».

«Меня интересуют проблемы, которые для себя я называю «Я и мир», «Я, МЫ, ОНИ» — это проблемы своего места в мире, отношения с «ними» и создания своего «мы».

«Меня терзают сомнения, размышления о жизни».

(Из ученических сочинений)

В юбилейный — толстовский — год вместо традиционных обычных тем я предложил девятиклассникам для классного сочинения тему «Война и мир» сто десять лет спустя».

Вот три девятиклассницы пишут о Наташе Ростовой:

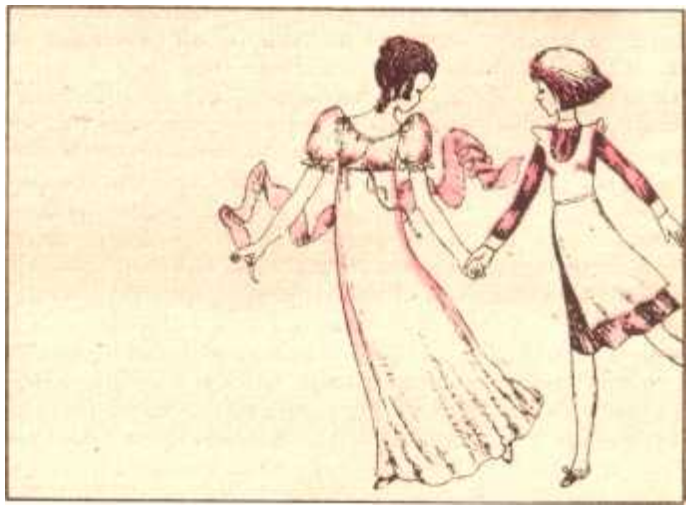
«Мне очень близка Наташа Ростова. Ее милый образ западает в душу. Наташа — воплощение красоты, обаяния, мягкости, доброты и великодушия, нежности, хотя ей не откажешь и в мальчишеской удали. Но для меня самое главное в ней — это искренность и душевная простота. В жизни так много ложного, фальшивого, нарочитого, именно Наташ подчас нам не хватает».

«Восторженная, впечатлительная Наташа не только не вызывает жалости, а даже раздражает меня. Люди, у которых эмоции, страсть, порывы перекрывают ум, всегда менее привлекательны для меня, чем люди, у которых эмоции и ум дополняют, не могут существовать друг без друга».

«Наташу, которую рисует Толстой в эпилоге, я не признаю. Выйдя замуж за Пьера, она опустилась, перестала следить за собой. По-моему, женщина всегда должна оставаться женщиной, у нее не должно пропадать желание нравиться, быть красивой... А графиня Ростова до замужества для меня — олицетворение молодости, непосредственности. Как она умеет удивленно широко раскрытыми глазами смотреть на окружающий мир,

видеть прекрасное в нем! Она так искренне любуется звездной ночью, что пробуждает к жизни князя Андрея. Наташе не свойственна фальшь в отношениях между людьми. А разве эта искренность, непосредственность, отсутствие фальши, умение радоваться жизни не волнует людей нашего времени?»

Во всех трех сочинениях речь идет об одной и той же Наташе Ростовой. Но это три в чем-то разные Наташи.



А вот несколько сочинений, авторы которых размышляют об Андрее Болконском. Но как по-разному он увиден, понят, прочувствован, воспринят.

«Я безумно полюбила Андрея Болконского, наверное, потому, что в нем всегда было много нерешенного, не было спокойствия, а был вечный поиск, искание своего «я». Меня очень волновал вопрос, обретет ли счастье и найдет ли смысл жизни Андрей Болконский. Толстой не дает однозначного ответа на этот вопрос. Но меня охватило непонятное радостное чувство, когда я прочитала эти слова, которые мне так хотелось услышать от князя Андрея: «Я не могу, я не хочу умереть, я люблю жизнь, люблю эту траву, землю, воздух». Не о вечном небе думает в решительную минуту своей жизни князь Андрей, а о земле, о полыни, о струйке дыма. Князь Андрей, стремящийся всю жизнь к чему-то неземному и высокому, понял, что счастье всех — на земле. Но не повторит ли в будущем Николенька Болконский своего отца, не захочет ли своего Тулона, Аркольского моста? Ведь об этом говорит его сон: «Я сделаю лучше. Все узнают, все полюбят, все восхитятся мною». А если сравнить эти слова со словами Болконского-старшего: «Хочу славы, хочу быть известным людям, хочу быть любимым ими». Не одно ли это и то

же? В эпилоге вновь возрождается то, что ушло со страниц романа со смертью князя Андрея».

«Потрясло меня небо над Аустерлицем. Серое, с тихо ползущими темными облаками. В нем есть какая-то спокойная уверенность, чуть-чуть надменность, величавость. Такое небо удивительно, это невозможно передать, это надо увидеть и почувствовать. В нем есть какая-то недосягаемость, что-то высокое и чистое, к чему надо стремиться. Я теперь очень часто, когда иду в школу, смотрю на мчащиеся потоки машин, на толпы людей, в какой-то странной возбужденности спешащих по своим делам. Каждый занят сам собой. Все бегут, спешат, боятся опоздать. И над всей этой суетой — аустерлицкое небо. Спокойное, медленное небо. В нем есть что-то, что нам не дано».

«Я не могу принять Андрея Болконского с его страданиями и нравственными мучениями. Они кажутся мне надуманными и нежизненными. В наш век вряд ли найдется человек, который, взглянув на небо, скажет, что вся эта жизнь — «суета сует», не так надо жить, а по-другому. Думаю, что современный человек, посмотрев на чистое, безоблачное небо, на зеленеющий дуб, на девочку, весело смеющуюся, не пересмотрит взгляды на жизнь. Я не могу принять того, что Наташа, взглянув в окно и увидев прекрасный вечер, затаила дыхание и долго не хотела уходить. Конечно, все это прекрасно, но это мне чуждо. Я, например, не буду сидеть на подоконнике и говорить своему брату о красоте вечера и т. д. Я думаю, что даже влюбленные лет через десять не будут говорить, что закат красивый, воздух мягкий, а будут говорить, что ветер умеренный, температура ниже нуля, давление ртутного столба 750 мм. Вот что более соответствует нашему времени».

«Когда я прочел «Войну и мир», одно я чувствовал совершенно четко: есть что-то невероятно близкое мне в стремлениях, переживаниях, исканиях героев. Особенно одного — Андрея Болконского. Этот герой мне близок всем. Я вместе с ним мечтал о Тулоне, вместе с ним прозрел на Аустерлицком поле, полюбил Наташу и порвал с ней, я переживал, глядя на прощение князем Андреем Наташи, и был неимоверно удивлен смерти Андрея Болконского. В каждом поступке Андрея Болконского я видел себя. Но... ближе всего мне был князь Андрей в его худших поступках. Да, я радовался его прощению Наташи, но разве можно это сравнить с тем чувством, когда князь Андрей порвал с ней. Я восхищался Андреем Болконским порывающим, а не прощающим. Для меня гораздо ближе князь Андрей, сгорающий честолюбием, чем познающий тщетность этих стремлений. Я видел правильность этого продвижения к истине, к этой

переоценке ценностей, но они меня не убеждали. И хотя я знал, что князь Андрей поступил несправедливо, не простив Наташу, я, оказавшись на его месте, поступил бы так же».

Как видите, и здесь мы встречаемся с тем же: глубоко личностным восприятием литературного героя. Когда речь идет о восприятии художественной литературы, это естественно (мы не говорим сейчас о том, что это личностное восприятие может быть и обедненным, и искаженным, и ложным, и что поэтому задача преподавания литературы — идя от этого непосредственного, живого восприятия, личного отношения, восприятие это обогатить, уточнить, насытить всеми красками созданного писателем художественного образа).

Совершенно очевидно при этом, что наряду с индивидуальными особенностями восприятия художественного произведения существуют и некоторые типические.

Несколько лет назад, закончив на уроках литературы анализ драмы А. Н. Островского «Гроза», я предложил девятиклассникам в течение урока ответить на вопрос: «Волнует ли «Гроза» современного читателя и зрителя?» Больше половины писавших принимают «Грозу» и Катерину:

«Ее естественность, честность, чистота, незаурядность и достоинство могут служить примером».

«Ее характер, твердый, сильный характер, который не может смириться с насилием, со злом, не может не волновать нас».

«Героизм и мужество необходимы людям любого времени».

«В пьесе Островского нас прежде всего поражает характер Катерины. Если ей не нравится жить в доме Кабанихи, она и не будет здесь жить: «Не хочу здесь жить, так не стану, хоть ты меня режь!» Если она любит Бориса, то так, что ей нипочем людской суд: «Коли я для тебя греха не побоялась, побоюсь ли я людского суда?» Характер Катерины открытый, прямой. А в наше время не всем хватает душевных сил, чтобы совершить какой-нибудь решающий поступок. И современному зрителю будет интересно посмотреть, как разворачиваются события в драме».

Но почти половина писавших ответила, что сегодня читателя и зрителя «Гроза» не волнует.

«Драма Катерины — драма того времени. То, что произошло с Катериной, могло произойти только тогда. Только тогда можно было сказать: «Нет, мне что домой, что в могилу — все равно... в могиле лучше».

«То, что Катерина изменяет нелюбимому мужу, не волнует современную молодежь. Ведь сейчас не считается грехом уйти от нелюбимого мужа».

«Сейчас невозможно выдать женщину замуж за нелюбимого

человека. Правда, некоторые матери не разрешают выходить замуж своим дочерям, если жених не нравится. Но их, как правило, не слушаются. А если невестка не уживается со свекровью, то она просто уезжает от нее. А ситуация, возникшая в «Грозе», если и возникает в современной семье, то никогда не приведет к самоубийству».

«В наше время Катерина попросту развелась бы с Тихоном через загс и уехала бы с Борисом».

«Для меня, советской девушки, такой проблемы, как жить с нелюбимым мужем, не существует. Для меня (пока) все просто и ясно: любишь — живи, не любишь — уходи».

«Гроза» не волнует, она, по-моему, просто вызывает интерес зрителя к событиям, ставшим историей. Зритель обращается к «Грозе» скорее для того, чтобы познакомиться с еще одной стороной жизни XIX века, а не для того, чтобы найти в пьесе ответ на интересующий его вопрос. Нет там такого ответа».

Судя по этим сочинениям, мне не удалось донести драму Островского до всего класса. Но думаю, что одна из причин не просто в отношении части класса к «Грозе» и Катерине (а такое отношение типично для многих современных девятиклассников: о подобном «неприятии» Катерины не раз писали учителя и методисты), не только в понимании или непонимании текста самого художественного произведения.

Главная причина здесь, на мой взгляд, внелитературная: не все в классе понимали и чувствовали, как это важно и как это трудно и сегодня остаться верным самому себе, своему свободному чувству, своей нравственной бескомпромиссности, не обменять и не разменять их на вроде бы и благополучную жизнь. Именно поэтому бесконечно далекой показалась части девятиклассников Катерина Кабанова. К тому же сплошь и рядом Катерина воспринимается сквозь призму современного быта. Каждый год слышу я на уроке одни и те же вопросы: «Почему Катерина не ушла от Тихона?», «Почему не вернулась она к матери?», «Почему не уехала в другой город?»

Мы говорили об индивидуальных различиях в восприятии художественного произведения и об одном из проявлений типических тенденций этого восприятия. Но каковы же те общие, исходные позиции, которые и определяют отношение старшеклассников к литературе классической и современной?

Передо мной сочинение девятиклассницы на тему «Искусство в моей жизни».

«Меня в искусстве привлекает именно его назначение — отражение жизни. И жизни разной, именно самой жизни. Когда вполне понимаешь и чувствуешь то, что хотел донести автор,

испытываешь ко всему прочему и радость. Потому что это замечательно — видеть до самых корней и понимать жизнь.

Где, как не в искусстве, сталкиваешься с тем, что пережила, с подобными чувствами, мыслями, вопросами, жизненными загадками и, наоборот, с тем, что не испытала, иногда с тем, что никогда не испытаешь. Всегда при этом волнует вопрос: как можно, как надо, как бывает, почему и зачем и в то же время такие вопросы: как не надо, как не должно, как не может быть? Все это раскрывает искусство.

Человека волнуют разные мысли, человек испытывает и переживает разные чувства. Случается, мы заблуждаемся сами в себе, в своих чувствах. Но случается и так, что только чувствуешь, а дать объяснение своим чувствам не можешь. И объяснение всему происходящему в человеке может дать искусство.

Когда я читаю очень хорошую книгу, я уже не отличаю, не делаю границы между реальностью, тем, чем живу я лично, и тем, что происходит на страницах книги. В это время я живу одной общей жизнью с героями этой книги, переживаю так же, как если бы это происходило и случилось со мной.

Искусства бы не было, если бы через него перед нами не ставили очень серьезные жизненные вопросы, которые мы иногда «обходим стороной» или вовсе не замечаем и не задумываемся о них.

Для меня искусство не имело бы никакого значения, если бы не заставляло грустить, радоваться, смеяться, плакать. А происходит это потому, что в искусстве раскрывается то, что близко человеческой душе».

В сочинении этом хорошо выражено то, о чем писало большинство. Читаю сочинения девятиклассников на тему «Далекое и близкое в литературе классической и современной».

«В моей жизни прочтение Лермонтова, — написано в одной из работ — ступень вверх. Он заставил меня перестрадать вместе с ним все. Я стала жить в Лермонтове, в его системе оценок». «Он заглянул в мой ум, в мою душу, — пишет девятиклассница о Толстом, — как никто, даже я сама, никогда не смогла бы заглянуть. Роман «Война и мир» открывает нам самих себя», «У него, — читаю я о Баратынском в другом сочинении, — я нашла такие строки, что поразилась, как это мог написать человек, живший более века назад, так обо мне, о наших насущных вопросах». «От героев произведений, — размышляет другая ученица, — ждешь гораздо большего, нежели от простого человека: решения каких-то своих проблем, ответов на важные вопросы. Потому-то я и бываю так рада, просто вчитываюсь в каждую строчку; когда вдруг узнаю, что не только я, но и еще кто-

то живет и волнуется моими волнениями, когда я чувствую, что образ мыслей героя книги мне очень понятен, потому что я сама так мыслю».

Это — по-разному выраженное, разными примерами подтвержденное — во всех сочинениях. В литературе, не только современной, но и прошлого века, ищут себя и открывают себя. Даже в книгах о вчерашнем дне волнует то, что созвучно дню сегодняшнему. И прежде всего ищут в книге ответы на основные, краеугольные вопросы духовного бытия, нравственного самосознания.

«Конечно, нас волнуют больше те проблемы, которые перекликаются с нашей жизнью. Вопросы, главные вопросы жизни, теперь, как и раньше, так же остро стоят перед нами (только в другой, может быть, форме): цель жизни, место человека в ней, достижение цели, человечность. Эти глобальные проблемы человечества решают многие герои классических произведений».

«Сейчас у меня такой возраст, когда хочется объять все необъятное, хочется понять и узнать все и всех, но почти всегда получается, что скользишь только по поверхности, хватаешь верхушки, а глубины нет. И если мне это удалось хоть в какой-нибудь мере преодолеть, то только благодаря Чехову. Он открыл мне ту глубину, которой мне всегда не хватало. Через его рассказы, через его драматургию смотришь на жизнь и на людей совершенно другими глазами».

«Каждый раз, когда мне было плохо, по-настоящему плохо, когда дисгармония проявлялась не в чьей-то чужой жизни, а в своей личной, когда отрицание не доставляло наслаждения, а было нестерпимо мучительно, когда оно становилось не маской, а сутью, я шла к «Войне и миру» и «Анне Карениной». Только там я находила единое целое, весь мир. Только там я могла обрести столь необходимое мне утверждение гармонии».

«Проблемы счастья, личности и общества, гармонии личности, поиски смысла жизни, проблемы взаимоотношений человека с людьми мучают меня, связывают, ответа на них я не могу найти, лишь новые и новые появляются. И, не видя разрешения проблем, переживая от боли, мук и пытаясь найти ответы, все чаще перечитываю в последнее время Пушкина, Лермонтова, Достоевского, Толстого, Чехова, Бунина».

В речи на III съезде комсомола В. И. Ленин говорил о том, как нелегко, как мучительно входит в жизнь новая нравственность:

«Надо, чтобы все работали по одному общему плану на общей земле, на общих фабриках и заводах и по общему распорядку. Легко ли это сделать? Вы видите, что тут нельзя добиться решения так же легко, как прогнать царя, помещиков и капиталистов». «Сразу общего труда не создашь. Этого быть не может Это с неба не сваливается. Это нужно заработать, выстрадать, создать. Это создается в ходе борьбы».

Заработать, выстрадать, создать.

Выстрадать. За несколько месяцев до выступления на III съезде комсомола Ленин употребил слово это в книге «Детская болезнь «левизны» в коммунизме»: «Марксизм, как единственно правильную революционную теорию, Россия поистине *выстрадала*...»

И тут же Ленин говорил о «беззаветности исканий» передовой мысли России.

Беззаветность исканий. Передовая мысль России (литература в том числе) завещала нам не только найденное, обретенное, открытое. Но прежде всего сам пафос искания, обретения, открытия. На XXV съезде партии говорилось о нравственных исканиях современного советского искусства. Разве не наследуют, не развивают эти нравственные искания ту беззаветность исканий, о которой говорил Ленин?

«Мне кажется, что даже и не через сто лет, а гораздо скорей, — писал пятьдесят лет назад в одном из писем М. Горький, — жизнь будет несравненно трагичней той, коя терзает нас теперь. Она будет трагичней потому, что — как всегда это бывает вслед за катастрофами социальными — люди, уставшие от оскорбительных толчков извне, обязаны и принуждены будут взглянуть в свой внутренний мир, задуматься — еще раз — о цели и смысле бытия. Таковых людей народится неисчислимо более того числа, какое ныне существует на земле... Вообразите, что будет, если десятки и сотни тысяч людей воспылают страстью догадаться не о том, как удобнее жить, а о том — зачем жить»[1].

Пророческие слова! «Не хлебом единым жив человек» — это люди понимали давно. Но чем меньше сил уходит у человека на заботы о хлебе насущном, тем яснее становится истинное значение этих слов — «не хлебом единым». И тем не легче, а сложнее становятся пути нравственных исканий. Особенно в юности.

Молодых часто корят тем, что жить им куда легче, чем старшим, когда они были юные. Но — не могу не согласиться с Владимиром Шубкиным — надо быть здесь очень осторожными с однозначными ответами: «Жизнь нашего довоенного поколения не баловала нас альтернативами. Реальная трагедия жизни

открывала для нас единственно возможный путь — на фронт, вместе со всем народом. Поэтому, не преуменьшая степени наших жертв и лишений, не будем в то же время преувеличивать сложности наших решений, их нравственного значения. Решения принимала за нас сама жизнь, история. И, скажем честно, в чем-то нам было легче: на миру и смерть красна...

Молодым людям, вступающим в жизнь сегодня в отутюженных костюмах и ярких галстуках, о которых мы не смели и мечтать, не легче, чем нам. Вряд ли стоит сползать на ту примитивную точку зрения, что материальные, бытовые трудности сложнее духовных... Молодые люди сегодня не детерминированы законами исторической необходимости, они имеют варианты, альтернативы. Они должны опираться при этом на внутренние нравственные критерии... сейчас молодежь острее нуждается в нравственных ориентирах, чем предыдущее поколение»[2].

Выработке этих нравственных критериев, обретению этих нравственных ориентиров способствует художественная литература.

Здесь важно и вот что.

Тысячи неповторимых, своеобразных случаев, ситуаций, коллизий, конфликтов — такова сфера действия морали. Здесь невозможно подходить с единой шаблонной меркой, здесь нет готовых ответов, здесь нравственные задачи нужно решать каждый раз заново. Это вовсе не отрицает значения общих принципов, положений. Но здесь вся суть в переходе от общих принципов, правил, норм к реальным ситуациям, конкретным случаям, единичным явлениям, отдельным фактам.

Между тем, рассуждая на этические темы, старшеклассники часто рассматривают их глобально, как говорится, в мировом масштабе. И очень часто при этом они не умеют применить их к решению индивидуальных, конкретных задач. Вот почему важно, с одной стороны, поддерживать интерес к общеуниверсальным, всечеловеческим проблемам, а с другой — стараться уберечь от бесплотных и бесплодных словопрений, учить сопрягать всеобщее и конкретное, а если говорить об исканиях нравственных — высокие принципы и реальные поступки, моральные нормы и индивидуальные ситуации.

И здесь особо велика роль литературы, как и вообще искусства. В книгах писателей ставятся и решаются коренные вопросы человеческого бытия, исследуются сложнейшие нравственные проблемы, но все это предстает перед юным читателем в живых картинах, конкретных образах, неповторимых ситуациях, реальных конфликтах.

Размышляя над страницами художественных произведений, наши дети думают о книге и ее героях и вместе с тем — о психологии человека вообще, о морали и нравственности, о жизни, о себе.

Вот почему нельзя понять современного старшеклассника, не зная, что думает и что чувствует он, читая художественную литературу. Потому что художественная литература — это часть (и важнейшая!) его духовной жизни, его духовного опыта. Ведь книга нужна человеку, об этом хорошо сказал Чингиз Айтматов, «как основа его духовного самопостижения, духовной ориентации в кругу сложнейших вопросов», ибо сегодня, «как никогда прежде, литература занимает главенствующее место в духовной жизни человека»[3].

«Юноша, обдумывающий житье» над страницами книг, — главный герой этой книжки. Само это обдумывание житья вместе с писателями и их героями — содержание ее. Беззаветность исканий русской классики и современной советской литературы и нравственные искания сегодняшнего старшеклассника — так можно было бы обозначить тему ее.

«Государство, — читаем мы в Конституции СССР, — заботится об охране, преумножении и широком использовании духовных ценностей для нравственного и эстетического воспитания советских людей, повышения их культурного уровня». Об этом — использовании духовных ценностей для нравственного самоопределения юности, ее духовном становлении в процессе приобщения к этим ценностям — и пойдет речь.

Я стремился сделать эту книжку многоголосой: многочисленные высказывания юношей и девушек, здесь приведенные, — не иллюстрация к моим рассуждениям, а необходимая составная часть их. Пожалуй, даже главная их часть.

ЧЕЛОВЕК ДЕЛА И ДЕЛО ЧЕЛОВЕКА

В условиях значительно изменившейся жизни людей, их гораздо более высокой в сравнении с прошлым технической оснащенности, безусловно, являющейся благом научно-технического прогресса, как никогда раньше, обретает свое значение духовная суть человека, человечества. Трудно переоценить опасность, которую в наш атомно-космический век несет с собой бездуховность в различных ее проявлениях. В этих условиях литература просто не вправе пренебречь нашими моральными ценностями, которые завещаны нам лучшими из людей прошлого, продемонстрировавшими в годы величайших испытаний высокое самоотвержение во имя утверждения идей мира, труда и социальной справедливости.

Василь Быков

Определяя, в чем состоит суть веяния новой жизни, Добролюбов в статье «Что такое обломовщина» писал: «Фраза потеряла свое значение; явилась в самом обществе потребность настоящего дела». Об этой же жажде дела говорил и Добролюбов-поэт:

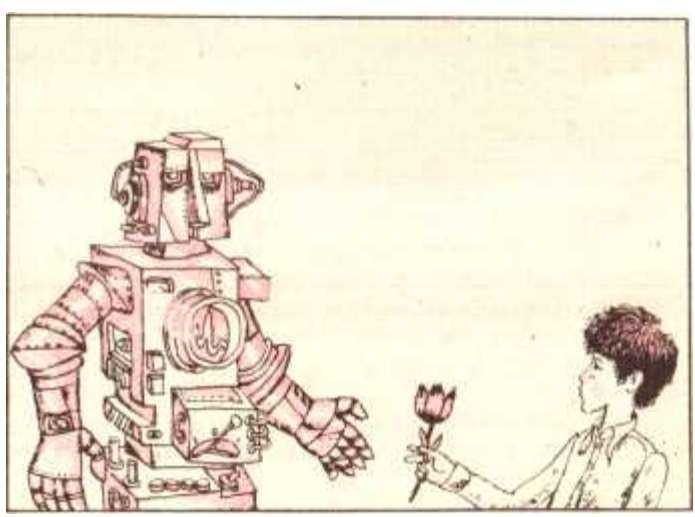
Я ваш, друзья, — хочу быть вашим,
На труд и битву я готов, —
Лишь бы начать в союзе нашем
Живое дело вместо слов.

Отвечая этой важной общественной потребности, люди дела приходили в жизнь и почти одновременно в литературу. Как человека дела приветствовал Писарев Базарова. Людьми дела

были «новые люди» Чернышевского, роман которого и назывался «Что делать?».

Но, поэтизируя человека дела и страстно выступая против «богатых словом, делом бедных», русские революционные демократы столь же страстно отвергали бескрылое делячество, узкий практицизм.

О «живом» деле, работе «общественной», «честной и святой» говорил Добролюбов. Потому-то и видел он веяние новой жизни не в Штольце, а в Ольге Ильинской: «Нам кажется, что это в ее сердце и голове веяние новой жизни, к которой она несравненно ближе Штольца... Он не хочет «идти на борьбу с мятежными вопросами», он решается «смиренно склонить голову...» А она готова на эту борьбу, тоскует по ней... «Без приобретения привычки к самобытному участию в гражданских делах, без приобретения чувства гражданина, — писал Чернышевский, — ребенок мужского пола, вырастая, делается существом мужского пола средних, потом пожилых лет, но мужчиной он не становится или по крайней мере не становится мужчиной благородного характера. Лучше не развиваться человеку, нежели развеваться без влияния мысли об общественных делах, без влияния чувств, пробуждаемых участием в них». Дело гражданское, дело общественное— вот что было исходным для революционных демократов, когда они говорили о деле.



«Деловым людям» от Штольца до Лужина передовая русская мысль противопоставляла человека дела, вдохновленного высокими идеалами. «Дело прочно, когда под ним струится кровь».

Анализируя статью «Базаров», мы особо обратили внимание

девятиклассников на слова Писарева о том, что Базаров никогда не возведет науку в кумир, «не даст ей приобрести самостоятельное значение». Люди, подобные Базарову, «всегда готовы выйти из ученого кабинета лаборатории... углубляясь в тщательное исследование специальных вопросов науки, эти люди никогда не теряют из виду того великого мира, который вмещает в себя их лабораторию и их самих, со всею их наукой».

Потом, читая «Что делать?» Чернышевского и знакомясь с врачом, естествоиспытателем, ученым, гражданином и общественным деятелем Кирсановым, мы еще раз увидим, что такое настоящий ученый для передовых современников Сеченова и Пирогова.

Закончив чтение и анализ на уроках романов «Отцы и дети» и «Что делать?», мы обратились к современности, к дням нынешним, к тем произведениям современного искусства, в центре которых — ученый.

В одном из московских кинотеатров по заявкам зрителей вновь шел фильм Тарковского «Солярис». Всем классом мы отправились в этот кинотеатр.

О чем же этот фильм? Какие проблемы волнуют его создателей? Вот что говорили потом на уроке девятиклассники:

— Меня удивляет, что люди в фильме все земные. Они ничем не отличаются от людей нашего века. Они такие же родные, как и все мы. Мне всегда казалось, что человек будет каким-то другим, новым. Но «Солярис» перечеркнул все мои неверные мысли и сказал: «Человек всегда останется человеком!»

— Идея фильма: самое главное — жить и действовать по-человечески. А ценность человека прежде всего в его нравственном облике. Человек должен в любых условиях оставаться человеком — вот смысл фильма «Солярис».

— Тарковский говорит нам, что у человека не может быть иных мерок, кроме мерок человеческих, земных.

— В прологе перед нами самая настоящая Земля. Мы видим дом, лес, озеро, лошадь. Идет дождь, он мочит яблоко, мочит осу. Все это так близко, так знакомо. Все это наше, земное. Смысл жизни заключается в том, чтобы познать себя здесь, на земле, чтобы понять и осознать свое, земное, а потом уже что-то нести обитателям других планет. И в эпилоге Океан как бы награждает Криса за его страдания, за его раскаяние, создает ему образ маленького кусочка родной земли, как бы говоря ему: «Здесь узнай и найди себя. Именно здесь смысл твоих поисков. Дорожи своей совестью».

— Это стало для меня главной темой фильма: человеку нужен человек, не просто сотрудник, а друг, понимающий,

любящий и верный. И вместе с любовью к людям через весь фильм проходит любовь к земле, к природе во всех проявлениях и верность этой любви. И от этого героями ленты становятся лошадь, собака, пруд, ненавязчиво вошедшие в настроение и ритм картины. Фильм несет светлую веру в человека, в его связь с природой, со всем человечеством. Жизнеутверждающе звучит в нем нота добра и любви.

— Фильм не научно-фантастический, а философский. Фильм не столько о будущем, сколько о настоящем — о человеческих отношениях, о гуманности, о духовной выносливости, и еще о том самом сокровенном, чем наделяет нас природа, — о человечности.

Углубляя эти первые впечатления, спрашиваю учеников, в чем суть конфликта между Крисом Кельвином и Сарториусом.

— Конфликт Криса и Сарториуса — это конфликт человека, не потерявшего свои основные человеческие качества: умение любить и ненавидеть, грустить и радоваться, с человеком, утратившим все это, с человеком, для которого наука заслонила все человеческое, который, в сущности, превратился уже в очень умного робота, не способного чувствовать и переживать.

— Для Сарториуса результаты исследования превыше всего. Крис Кельвин не потерял человеческой гуманности и не может жертвовать всем для науки.

— Исследования выполняются для науки, но наука призвана служить людям. Грань дозволенного существует и в науке, и нельзя переступать ее границы. Сарториус потерял чувство этой грани, для него все средства хороши, если они действуют во имя науки. Сарториус теряет человеческие качества, остается холодный расчет, жестокость, бесчувствие к чужим страданиям. Для него наука, познание, работа на «Солярисе» — самоцель.

Суть главного конфликта фильма осмыслена точно.

Для Сарториуса существует только одно — познающий Разум. И над ним не может быть никакого морального контроля. Чувства, совесть, гуманизм — все это отношения к познанию, науке совершенно не имеет. Больше того, мешает ей, противостоит ей. «Человек обречен на познание. Все остальное блажь», — говорит он.

Океан Соляриса материализует воспоминания землян, причем не просто воспоминания о прошлом, а такие воспоминания, которые они стараются упрятать подальше в глубины души от самих себя. Образы памяти, облеченные Океаном Соляриса в плоть, предстают как воплощение совести, как зов ее и укор. Среди этих материализованных фантомов — Харри, жена Криса Кельвина, брошенная им и покончившая с

собой. И сейчас она рождает в Кельвине терзания совести, воскрешает в нем все лучшее, человеческое, что в нем было, и пробуждает в нем истинную любовь.

Для Сарториуса же Харри — копия, матрица человека, и ее нужно убрать любой ценой, чтобы не отвлекаться от эксперимента, чтобы не мешала она познанию. Убрать во имя науки, во имя торжества познающего Разума.

Но для Кельвина избавиться от Харри — это значит избавиться от нравственной памяти, от укоров совести, от любви, от человечности, от всего, что чуть не было им утрачено и что так мучительно обретается вновь. Для Кельвина нет такой научной задачи, нет такого познания, в жертву которому можно было бы принести Совесть, Нравственность.

«Для него, — как хорошо сказал летчик-космонавт Георгий Гречко, — правота техническая не равна человеческой».

Фильм Тарковского о торжестве нравственности, совести, человечности. Он о тех безусловных ценностях, которые человечество должно сохранить и без которых развитие всепознающей мысли может обратиться во зло. Этот фильм о будущем обращен к нашим дням, он утверждает необходимость идейности, совестливости, гражданской ответственности, нравственности как важнейших духовных первооснов науки, техники, всей современной жизни. И в этом его гуманистический пафос.

«Эпоха НТР,— писал недавно на страницах «Правды» Даниил Гранин,— эпоха сложных систем, сложных ситуаций, где больше надо раздумывать над своими поступками... Разве сегодня не существует вопроса, зачем человек живет, к чему стремится, что он, один человек, может в этом мире? Думается, что именно новые научные знания, машины, космос — все то, что мы вкладываем в довольно расплывчатое и тем не менее необходимое понятие «НТР», — все это заставляет, как никогда раньше, остро задаваться извечным вопросом о смысле человеческого бытия».

ТОЛЬКО ОДИН РАЗ

Не знаю, как горел бы жар
Моей привязанности кровной,
Когда бы я не подлежал,
Как все, отставке безусловной.

Тогда откуда бы взялась
В душе, вовек не омраченной,
Та жизни выстраданной сласть,
Та вера, воля, страсть и власть,
Что стоит мук и смерти черной.

Александр Твардовский

1

В последние годы часто и справедливо сетуют на инфантильность наших старшеклассников, на их несколько замедленное гражданское созревание. Естественно, что дело здесь не только в школьном преподавании. Но не состоит ли одна из причин инфантилизма в том, что мы слишком мало говорим с детьми своими о вечно мучительных вопросах бытия?

Помните споры Онегина и Ленского?

Плоды наук, добро и зло,
И предрассудки вековые,
И гроба тайны роковые,
Судьба и жизнь в свою чреду,
Все подвергалось их суду.

Или размышления Пьера Безухова: «Что дурно? Что хорошо? Что надо любить, что ненавидеть? Для чего жить, и что такое я? Что такое жизнь, что смерть? Какая сила управляет всем?»

Часто ли все это рождает споры, влечет к размышлению, подвергается суду нашему и наших детей на уроках или дома? Особенно — «гроба тайны роковые»? Не могу не согласиться с тем читателем «Комсомольской правды», который написал в

редакцию: «Мы ханжески боимся говорить и даже думать о «страшной теме», т. е. о смерти».

А между тем именно в юности «тема смерти, которую ребенок успешно гонит от себя, теперь становится предметом серьезных размышлений»[4]. Ограничусь лишь двумя высказываниями, взятыми мною из ученических сочинений, подтверждающими, что это действительно так.

«В какой-то момент жизни вопросы, что такое жизнь и смерть, как это люди говорят, что «человек умер», куда же делось его «я», его мысли, чувства, его душа — все эти вопросы встают с необыкновенной остротой».

«Больше всего я боюсь смерти случайной. Ведь столько останется несделанного, а как мои родные, а что будет на Земле дальше, без меня? Неужели все так же будут жить?»

И прав И. Кон, книгу которого я только что цитировал, когда пишет, что подобные размышления социально полезны: «Отказ от детской веры в личное бессмертие и принятие неизбежности смерти заставляет человека всерьез задуматься о смысле жизни, о том, как лучше прожить отпущенный ему ограниченный срок. Бессмертному некуда спешить, незачем думать о самореализации, бесконечная жизнь не имеет конкретной цены. Иное дело — человек, осознавший свою конечность»[5]. Вне осознания единственности, неповторимости и конечности личного человеческого бытия, вне понятия смерти невозможно цельное и глубокое нравственное миросозерцание.

С точки зрения религиозной земная жизнь — это ступень к жизни вечной, это путь приготовления себя к жизни, не знающей конца. И главная цель нашей земной жизни — спасение

бессмертной души. Представлению о жизни как о приготовлении к вечному блаженству мы противопоставляем наше понимание жизни — самоцельной и самоценной. Совершенно естественно при этом, что разное понимание жизни связано и с разным пониманием смерти.

И нельзя не говорить обо всем этом с детьми, подростками, юношеством тем более. Ибо «нельзя представить себе полноценное нравственное воспитание без того, чтобы у человека, познающего Человека, не было правильного отношения к смерти». В другом месте В. А. Сухомлинский, слова которого я только что привел, писал: «Матери и отцу, педагогу и писателю — всем, причастным к воспитанию, надо мудро вводить ребенка за руку в мир человеческий, не закрывая его глаза на радости и страдания. Осознание той истины, что мы приходим в мир и уходим из него, чтобы никогда больше в него не возвратиться, что в мире есть величайшая радость — рождение человека и величайшее горе — смерть, подлинное сознание этой истины делает человека мудрым мыслителем, формирует тонкую воспитанность интеллекта, души, сердца, воли».

Другой вопрос в том, что в рассуждениях об этой трагической теме необходимы мера и такт.

Я видел, как в Хатыни туристы спокойно позировали на фоне вечного огня, а потом на фоне дома Каминского — единственного из жителей Хатыни, оставшегося в живых.

В одной из школ экспозиция прекрасного музея боевой славы была развернута в школьных коридорах. Пришлось долго убеждать руководителей школы выделить для музея специальное помещение. Жизнь есть жизнь, естественно и нормально, что на переменах ученики бегают, смеются, грызут яблоки. Но неестественно и ненормально, когда они бегают, смеются, грызут яблоки рядом с фотографиями виселиц и концлагерей, рядом с витринами, где за стеклом — найденные в походах каски, пробитые пулями.

Есть вещи, которые кощунственно растворять в повседневности. Для них нужны особые часы, особая душевная сосредоточенность, особая нравственная приподнятость.

2

«Memento mori», как говорили древние, что значит «лови момент», — написал ученик в одном из своих сочинений.

Анализируя ученические работы, я заметил, что это латинское выражение означает не лови момент, а «помни о смерти». Ученик начал спорить, и я сказал, что на следующий урок принесу словарь латинских крылатых выражений. В это время в наш разговор вмешался другой ученик: «Не понимаю, о чем вы спорите: помни о смерти или лови момент — ведь смысл один и тот же». Вот так.

Придя домой, я открыл словарь по этике и прочел в нем: «...отрицание нравственной сущности смерти оказывается формой отрицания нравственной сущности жизни и может служить лишь основанием для полной безответственности поведения. В этом смысле одним из нравственных принципов, оставленных в наследство античностью, является сформулированный в философии стоицизма принцип «memento mori» (лат. помни о смерти), предлагающий поступать всегда так, будто дело, которое человек делает и слово, которое им произносится, является последним из тех, что ему вообще дано когда-либо совершить. Этот принцип по существу обращен к размышлению не о смерти, а о небеспредельности жизни и побуждает людей не совершать поступки, которые подвергаются осуждению и в которых они потом сами горько раскаиваются. Тем самым он культивирует чувство ответственности за дела и слова людей»[6]. Добавлю к этому, что осознание небеспредельности жизни может служить основанием и для прямо противоположного вывода. «Чего там: живем один раз», — аргумент такого рода не раз становился оправданием подлости, хищничества, ренегатства. И тем важнее, поскольку мы сейчас говорим о школе, значение нравственных уроков литературы.

«На столбовой дороженьке сошлись семь мужиков... Сошлися и заспорили: кому живется весело, вольготно на Руси?» Так начинается поэма Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». И слова эти — сошлися и заспорили — поразительно точно передают то, что происходит на страницах большинства произведений русской классики. Онегин и Ленский. «Они сошлись», и чуть дальше: «Меж ними все рождало споры и к размышлению влекло». А споры Чацкого и Фамусова, Чацкого и Молчалина, Рудина и Пигасова, Базарова и Павла Петровича, Базарова и Аркадия, Раскольникова и Свидригайлова, Раскольникова и Лужина, Раскольникова и Сони, Раскольникова и Порфирия Петровича, Андрея Болконского и Пьера Безухова... Спор — содержание и многих стихотворений Некрасова. Напомню лишь «Поэта и гражданина», «Железную дорогу», «Песню Еремушке».

Пафос спора пронизывает и поэму «Кому на Руси жить

хорошо», поэму, которую исследователи называют то «поэмой-диспутом», то «правдоискательской поэмой». Но если Чацкий, Онегин, Рудин, Базаров, Раскольников, Андрей Болконский, Пьер Безухов приобщены к высотам русской и европейской культуры, если это цвет дворянской или разночинной интеллигенции, то в поэме Некрасова спорят мужики. Но спорят все о тех же высоких, духовных материях и ищут всю ту же настоящую истину, подлинную правду.

Именно эти духовные искания некрасовских героев и стали для нас главным в анализе поэмы. Особо сосредоточили мы свое внимание на том, как решается в поэме проблема счастья, на том, как отвечает поэт на вопрос, что же значит жить хорошо.

Так, читая страницы, посвященные Ермилу Гирину, мы увидели, что два слова являются здесь ключевыми: совесть и правда. О Ермиле Гирине говорится, что имел он

Почет завидный, истинный,
Не купленный ни деньгами,
Ни страхом: строгой правдою,
Умом и добротой!

Причем особо важно то, что в рассказе о Ермиле Гирине понятия эти — совесть («Судил я вас по совести», «Брал за помол по совести») и «строгая правда» — неразрывны. Ведь совесть совести рознь. Вот и у пана Глуховского спокойная совесть:

Жить надо, старче, по-моему:
Сколько холопов гублю,
Мучу, пытаю и вешаю,
А поглядел бы, как сплю!

Но это совесть, попирающая народную правду.

Некрасов приводит читателя к пониманию того, что невозможно «жить хорошо», невозможно счастье без «строгой правды». Неразрывность чистой совести и правды утверждается и в знаменитой песне «Русь».

Сила народная,
Сила могучая —
Совесть спокойная,
Правда живучая!

И вновь убеждаются старшеклассники, что, как ни изменчивы, подвижны многие нравственные понятия, есть некие выработанные народом нравственные ценности, которые незыблемы.

«Русский народ за свою историю отобрал, сохранил, возвел в степень уважения такие человеческие качества, которые не подлежат пересмотру, — честность, трудолюбие, совестливость, доброту». Я не случайно привел здесь слова Василия Шукшина, ибо именно к его рассказам мы и обратились на следующем уроке.

Однако, прервав наше размышление, я сейчас должен сказать вот о чем.

Классика органически входит в нашу сегодняшнюю духовную жизнь. Но если это так, то и в школе работа над классикой и работа над современной литературой должны быть взаимосвязаны. Строя свои занятия в девятом классе, я стремился к взаимосвязи, сцеплению занятий по классической литературе и уроков внеклассного чтения, посвященных литературе современной.

Конечно, надо быть очень осторожным в сопоставлениях, сравнениях, аналогиях. Перед нами разные жизненные меры, разные эпохи. Да и не в сопоставлениях суть дела. Чаще всего я вообще старался избегать прямых аналогий. Дело в другом. В том жизненном, нравственном, эстетическом опыте, которым обогащает прочитанное, помогая лучше понять другую книгу и через нее другую жизнь, в тех отсветах, которые классическая литература отбрасывает на современную, а современная — на классику, дело в живом, неостывающем восприятии духовных ценностей русской классики, в ощущении своей личной причастности к наследованию и обогащению их.

Итак, мы обратились к рассказам Шукшина, потому что в защите выработанных народом лучших человеческих качеств — пафос его творчества, потому что «человек в кирзовых сапогах» — главный герой его рассказов и, наконец, потому что спор о жизни, размышление над смыслом ее, поиск истины, правды — содержание многих его произведений.

Среди этих рассказов особо я выделил три: «В профиль и анфас», «Верую!», «Билетик на второй сеанс».

Все писавшие и говорившие об этих рассказах видят, что они о «душевной неустроенности», «их героев одолевает тоска, у них начинает болеть душа, они не находят себе места; что-то их мучает, не дает покоя, отчего-то болит их душа». «Рассказы объединены общей темой: трагедия человека, пришедшего к пониманию, что жизнь прожита не так».

«Неудовлетворенность жизнью, желание чего-то большего, лучшего в ней, стремление как-то раскрыть себя, затаенные стороны своей души, которые просятся наружу. Часто эти желания непонятны, герой мучается, терзает себя вопросами: «А я не знаю, для чего я работаю. Ты понял? Вроде нанялся, работаю. Но спроси: «Для чего?» — не знаю. Неужели только нажраться? Ну, нажрался. А дальше что?.. Что дальше? Я не знаю. Но я знаю, что меня это не устраивает. Я не могу только на один желудок работать». Это слова шофера Ивана из рассказа «В профиль и анфас». Он не знает, что он хочет, но в жизни ему хочется большего. Тоска по неудавшейся жизни: что-то упущено, что-то потеряно, что-то не проявилось в жизни. И это чувство тяжелым осадком скопилось в душе».

«Максим из рассказа «Верую!» тоже мучается вопросом: Зачем жить? Для чего? Оттого-то и наваливается на него тоска, «особенная тоска, какая-то нутряная, едкая». «Душа болит», — жалуется он своей жене Люде, которая при всем своем желании не может понять мужа. А Максим мается, не находит себе места, чувствует боль и злобу. «Ну и что? — сердито думал Максим.— Так же было сто лет назад. Что нового-то? И всегда так будет... А зачем?» Именно это «зачем» не дает ему покоя. Максим беседует с попом, который приехал лечить легкие. Но у попа тоже болит душа, для чего все, он тоже не знает».

«Поп не помогает Максиму разобраться в его тоске, непонимании. Он предлагает «бежать со всеми вместе, а если удастся, то и обогнать других». А куда бежать, он и сам не знает. «На кудыкину гору. Какая тебе разница — куда?» — отвечает он».

«Тимофей Худяков из рассказа «Билетик на второй сеанс» прожил, по сравнению с Иваном и Максимом, долгую жизнь. «Этот остаток в десять—двенадцать лет, это уже не жизнь, а так, обглоданный мосол под крыльцом лежит — а к чему?» И опять мы видим уже знакомую неудовлетворенность жизнью, опять: «опостылело все на свете... Полный разлад в душе». Но теперь герою жалко не только себя, жалко прожитую жизнь потому что «жизнь-то не вышла». «Жил бы честно», — говорит Тимофею Поля, сама не подозревая того, что задела за живое.

Ведь Тимофей сам понимает, что жил не так, бесцельно, пусто. «Вертелся всю жизнь, ловчил, дом крестовый рубил, всю жизнь всякими правдами и неправдами доставал то то, то это». А теперь оглянулся назад и понял, что не было у него настоящей жизни.

Читая поэму Некрасова, мы видели, какое место занимает в ней песня. И сейчас, читая рассказы Шукшина, девятиклассники не могли не увидеть, какое место образ песни занимает в них.

«В творчестве Шукшина настойчиво звучит мотив сравнения жизни с песней. Тимофей Худяков признается: «Прожил, как песню спел, а спел плохо. Жалко — песня-то была хорошая». Понял Тимофей, что хорошую песню спел он плохо, не так прожил жизнь, как нужно. Сам виноват, а ведь он сначала-то все валил на «судьбу-сучку».

«Иван честно говорит: «Не знаю, зачем живу». А про песню, которую он поет старику, скажет: «Сам сочиняю... На ходу прямо». Так, пожалуй, и жизнь Ивана, ни смысла, ни цели которой он не видит, приходится чем-то ее заполнять, сочиняя прямо на ходу. А песня-то не получается...

Неспетая песня, не так прожитая жизнь, несложившаяся судьба — Шукшин писатель, режиссер и актер все время обращался к этой теме (вспомним «Калину красную»). Обращался к этой теме как художник-гуманист, для которого счастье людей, подлинность единственной человеческой жизни — главное. «В городе ли, в деревне, — говорил Шукшин, — одолевает нас тьма нерешенных проблем — проблемы механизации, проблемы мелиорации, проблемы интеграции и т.д. и т. п. Важные проблемы? Кто об этом спорит... И надо, конечно, эти проблемы решать. Нужны удобрения. Нужны машины. Нужны каналы для орошения. И хорошие свинарники. Но вот что меня мучает страшно: всегда ли мы успеваем, решая все эти проблемы, задумываться о самом главном — о человеке, о душе человеческой? Достаточно ли мы думаем и заботимся о ней?»[7]. Вот об этом — о долге человека, о совести, о правде и напоминал читателю все время писатель Василий Макарович Шукшин.

Тимофей Худяков спьяну принял своего тестя за Николая Угодника и взмолился: чтобы тот ему дал «билетик на второй сеанс»: «Родиться бы мне ишо разок! А? Пусть это не считается — что прожил...» И об этом, о том, что «билетика на второй сеанс «никто не даст», что «живем мы один раз, а не два и не три, и петь свою жизнь нужно не фальшивя», говорили девятиклассники, размышляя над страницами шукшинских рассказов. Говорили и о том, что писатель не дает в них готовых ответов.

«Писатель ставит перед читателем вопрос о духовной жизни человека, о смысле жизни. И, может быть, весь смысл, вся привлекательность его творчества в том, что Шукшин, задав эти вопросы, и не думает полностью отвечать на них. Он только задает к главным вопросам наводящие, тем самым будя интерес к главным, основным».

«Наверное, каждый человек должен по-своему ответить на эти вопросы, но только все должны понимать одно, и об этом, по-моему, нас заставляют задумываться рассказы Шукшина, что в

жизни нужно найти смысл, найти верную дорогу, чтобы не приходилось все время мучиться от едкой, неотвязчивой боли».

«Второй жизни у человека нет, а есть только одна жизнь. И очень часто человек остается неудовлетворенным тем, как он прожил свою жизнь. Кажется, что было сделано не все, многое было упущено. И, как правило, только в старости понимаешь, что жизнь была плохая. И поэтому нужно оглядываться не только в прошлое, а смотреть в настоящее и заглядывать в будущее. «Какая моя жизнь?» — этот вопрос мы должны задавать себе уже сейчас и вместе с этим задумываться над тем, какая она будет, какой должна быть. И тогда потом, в старости, нам не будет мучительно больно за бесцельную, неполную, плохую жизнь».

Так на уроках литературы слились воедино раздумья над собственной жизнью, размышления над страницами русской классики и осмысление литературы современной.

Эпиграфом к этой главе я взял строки из стихотворения Александра Твардовского. Судя по всему, именно это стихотворение заставило обратиться к автору одного из его читателей. Ответом поэта я заканчиваю урок: «То, что названное стихотворение навело Вас на мысль, присущую всякому сознательному человеку с известного возраста, мысль о смерти, о неизбежности личного конца, о великом и вечном законе природы — это, по-моему, никакой не пессимизм. Разве можно ценить жизнь, любить ее и делать ее, как подобает разумному существу, — во благо, а не во вред тебе подобным, — не зная, не имея мужественного и здравого сознания ее преходящести, временности? В том-то и сласть и ценность ее, что она одна у каждого и нельзя ее прожить как-нибудь, спустя рукава. Осознание этого — начало того процесса духовного роста, который формирует зрелого человека...»[8].

Потом, в десятом классе, я буду говорить о том, что современная советская литература все чаще и чаще обращается к героям, которые оглядываются на прожитую жизнь и подводят итоги прожитому. Ведь именно так построены и «Судьба человека» Шолохова, и «При свете дня» Казакевича, и «Фиалка» Катаева, и «Берег» Бондарева, и «Предварительные итоги», и «Другая жизнь» Трифонова, и «Морской скорпион» Искандера, и «Бессонница» Крона, и «Однофамилец» Гранина.

По-разному подводят герои этих книг окончательные или «предварительные итоги». Одним не в чем себя упрекнуть, и в прожитом видят они достойную жизнь. Других, как «морской скорпион», жалит совесть, и их томит «бессонница», ибо, как «при свете дня», встают перед ними и прожитая жизнь, и та «другая жизнь», какой она могла бы быть, но какой не стала. Но и те и

другие книги напоминают человеку об ответственности перед жизнью, которая дается человеку один раз и прожить которую «нужно так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы». И те и другие ведут человека к твердому «берегу».

УРОКИ СОВЕСТИ

Совесть — изначальная проблема. Все время, пока живет человек, он думает, размышляет, что такое совесть. Совесть, если сформулировать обобщенно, есть внутренний стимул и внутренний тормоз: что разрешается и что запрещено? Что прекрасно, а что отвратительно?

Чингиз Айтматов

1

Когда я читал в классе такие некрасовские стихотворения, как «Рыцарь на час», «Умру я скоро. Жалкое наследство...», «Скоро стану добычею тленья», стихотворения, в которых поэт казнит себя за то, что погрузился «в тину нечистую мелких помыслов, мелких страстей», кается в том, что «к цели шел колеблющимся шагом», с болью говорит о портретах друзей, что «укоризненно смотрят со стен», когда я читал все эти стихотворения девятиклассникам, то некоторым из них казалось (так они об этом говорили потом сами), что здесь какое-то непонятное недоразумение: ведь всем ясно и понятно, что если поэт пишет о народе и революции, то тем самым он служит народу и революции.

А может быть, дело в другом: может быть, кому-то из них просто непонятен человек, который требовательней и беспощадней к самому себе, чем современники, который судит себя строже, чем потомки!

И надо было показать ученикам, как близки нам идейно-нравственные традиции, которые несет некрасовская поэзия, как дороги нам те уроки беспощадной совести, которые завещаны нам великой русской литературой. Вот почему, закончив изучение лирики Некрасова, на уроке внеклассного чтения мы обратились к повести Василия Быкова «Обелиск».

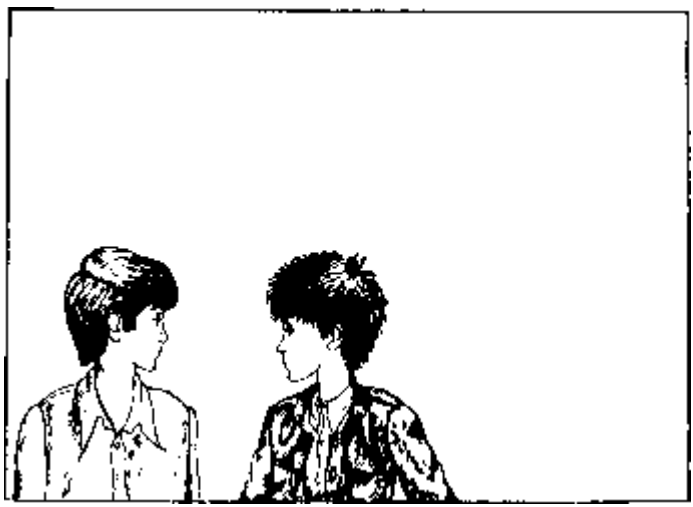
Главный герой повести — сельский учитель Алесь Мороз. Ученики Мороза в тайне от учителя организуют диверсию, чтобы

убить предателя. Но немцы схватили их, а учитель, вовремя предупрежденный, скрылся у партизан. Тогда оккупанты объявили, что если Мороз сам придет к ним, то арестованных ребят отпустят, а «по селу распустили слух, что вот-де как поступают Советы: чужими руками воюют, детей на заклание обрекают».

Когда Мороз решил идти и объявить себя, и командир и комиссар партизанского отряда набросились на него: «Надо быть круглым идиотом, чтобы поверить немцам, будто они выпустят хлопцев. Значит, идти туда — самое безрассудное самоубийство».

И потом, после войны, будут осуждать Мороза за то, что он все-таки сам пришел к немцам. И много лет не будет его имени на обелиске рядом с именами погибших его учеников.

Что же заставило учителя принять такое решение и прав ли он?



В повести развертывается спор, прав ли Мороз. Завроно Ксёндзов спрашивает: «Что он такое совершил? Убил ли он хоть одного немца? Особенного подвига за этим Морозом не вижу». Убил немца или не убил? Он сделал больше, чем если бы убил сто. Он жизнь положил на плаху. Сам. Добровольно. Вы понимаете, какой это аргумент? И в чью пользу?», — отвечает ему Ткачук. Действие повести происходит в Западной Белоруссии. Советская власть там к началу войны еще не окрепла. И когда схватили ребят, распустили слух, что-де Советы руками детей воюют, детей на заклание обрекают.

Мороз понимал, что немцы обманут, но пошел к ним потому, что не мог бросить своих учеников, веривших ему, потому что был учителем, потому что не мог позволить, чтобы на Советскую

власть пала тень».

«Мороз пришел к врагам не потому, что боялся нареканий соотечественников — никто не стал бы обвинять его, он пришел по своей собственной совести. Он пришел, зная, что, не приди он сейчас, не пройдет и дня в его грядущей жизни, когда бы совесть не грызла его. Он пришел, зная, предвидя тот день, когда бы он встал перед виселицей с пятью детскими телами. Он пришел, предчувствуя те бессонные ночи, когда бы он с криком просыпался от одного и того же, в тысячный раз являющегося кошмара, картины той самой виселицы с изуродованными, раскачиваемыми ветром телами. И это не слабость».

«Мороз не мог поступить иначе. Он на всю жизнь перестал бы уважать себя, если бы не был в последний час вместе со своими учениками. Ведь он понимал, что это его воспитание сказалось в том, что ребята не смогли смириться с хамством, унижением, поруганием человеческой личности и захотели действовать, мстить... Он просил их не делать этого, видя, что силы неравны, но раз это уже случилось — он не смог отказаться от самого себя, от своих убеждений, привитых детям».

«Самым строгим судьей этого поступка может быть сам Мороз. Он и в жизни судил себя строже всех, а не соверши он этот поступок, он со стороны других, может быть, был бы прав, но сам себе он не простил бы этого никогда. Всю жизнь свою уча детей гуманности, он и смертью своей дал прекрасный урок ее».

«Мороз понимал, что он должен быть там, со своими ребятами, которые терпят пытки и мучения. Если бы он не пошел сам в лапы к немцам, его бы всю жизнь пытала прежде всего совесть. Хотя он и не знал, что ученики готовят убийство полицая, но он понимал, что это он воспитал ребят такими и должен быть с ними. Мороз пошел, потому что он понял горе матерей, понадеявшихся на учителя. Он пошел, потому что так диктовала ему совесть, так он считал нужным. Мороз совершил подвиг человечности, он остался верен своему делу, своим ребятам. «Надо, чтобы в человеке что-то было...» А в Морозе была душа, воспринимавшая чужую боль, как свою.

Иди в огонь за честь отчизны,
За убежденье, за любовь...
Иди и гибни безупречно.
Умрешь не даром: дело прочно,
Когда под ним струится кровь...

Эти знакомые строки Некрасова можно отнести и к делу учителя Алеся Ивановича Мороза. Его дело дало свои результаты,

он очеловечил мальчишек, которые стали героями. Добрые семена, посаженные Морозом, проросли».

2

В первый год изучения романа «Преступление и наказание» в школе на городской контрольной работе учащимся девятых классов многих московских школ среди других была предложена тема: «Что толкнуло Родиона Раскольникова на преступление?»

Как же ответили девятиклассники?

Прежде всего следует сказать, что в отдельных сочинениях герой романа оправдывался.

«С большим сожалением я отношусь к судьбе Раскольникова. Мне очень жалко этого человека, я не считаю его истинным, настоящим убийцей. Ведь он убил старуху не ради личной выгоды, а ради счастья других. Это-то я и ценю в нем».

«Раскольников старается улучшить жизнь «обиженных и угнетенных». Он идет ради них на преступление. И поэтому Раскольников оправдан автором и читателем».

«Он не может допустить, чтобы старуха-процентщица жила. Раскольников выступает здесь как мститель за поруганное и обездоленное человечество, за унижение и страдание Сони, за всех, кто доведен до предела унижения, нравственных унижений и материальной нищеты».

Вообще же мысль о том, что к преступлению Раскольникова привели прежде всего и даже только гуманные побуждения («Раскольников задался целью облегчить жизнь и страдания близких ему людей», «Раскольников любит людей и готов всем пожертвовать ради них», «Раскольников желает сделать добро и поэтому идет на зло»), довольно часто повторяется в сочинениях девятиклассников.

Большинство учащихся, называя причины, толкнувшие Раскольникова на преступление, говорили и о трагедии человека, которому пойти некуда, и о теории Раскольникова, разрешающей пролитие крови по совести. Однако в сочинениях учащихся даже тех школ, где работы были написаны лучше всего, проявилась некоторая односторонность в трактовке романа. Ученики этих школ хорошо и обстоятельно говорили о социальной несправедливости, изображенной в романе, о непосильной жизни и страданиях униженных и оскорбленных, о человеческом бесправии, об отзывчивости Раскольникова на чужую боль. Но

намного меньше, нередко скороговоркой, о тех антисоциальных выводах, которые сделал Раскольников из наблюдений над картинами человеческих страданий, об его антигуманной теории, согласно которой люди разделяются на два разряда, о бесчеловечности, эгоистическом самоутверждении за счет других.

Потрясенный беспросветным, вселенским бесправием, каждодневным оскорблением униженных, раздавленных, поруганных, Раскольников испытывает ужас при мысли, что, может быть, и он всего лишь «тварь дрожащая» и что навсегда останется он среди униженных и оскорбленных. А в возможность коренного переустройства жизни он не верит. И он решает любой ценой прорваться к тем, кто «властелин», кто «право имеет», обрести свободу и власть, «...а, главное власть! Над всей дрожащей тварью и над всем муравейником!».

«Нет, мне жизнь однажды дается, и никогда ее больше не будет: я не хочу дожидаться «всеобщего счастья». Я и сам хочу жить, а то лучше уж не жить» — вот где первопричина преступления Раскольникова.

Но, остро воспринимающий страдания других, ненавидящий лужиных и свидригайловых, болезненно реагирующий на человеческую боль, Раскольников ищет в своей душе нравственное оправдание, разрешение и благословение гуманной совести. Встать «над всем муравейником», преступить, но при этом не преступая «вопросы гражданина и человека», пролить кровь, но «кровь по совести».

Читая стихи Некрасова, мы видели, что нерв его поэзии — несговорчивая, неуемная совесть. И когда лира поэта издавала всего лишь неверный звук, он публично каялся. Роман Достоевского о человеке, пытающемся уговорить, усыпить свою совесть, человеке, не раскаявшемся даже тогда, когда он совершил преступление («Преступление? Какое преступление?»). Но, изображая такого героя, Достоевский утверждает неразрывность подлинной человечности и истинной совестливости.

Человек не может не быть свободным, нельзя отнимать у него великое право — право быть человеком и жить по-человечески — в этом у писателя нет сомнений. Но его пугает опасность своеволия и вседозволенности. С одной стороны, человек, которому уже некуда больше пойти. С другой — настоящий властелин, кому все разрешается. Некуда или все — такова трагическая альтернатива романа. Страшно, когда человеку некуда пойти, и страшно, когда он может пойти, куда только захочет. Ужасно, когда человеку ничего не позволено, но ужасно и когда все дозволено. Ибо вседозволенность неминуемо

приведет к аморализму и распаду всех человеческих связей. И нам близки идеи писателя, утверждавшего, что право быть человеком несовместимо с правом встать над людьми, что свобода не во вседозволенности, что есть предел нравственно возможного.

Роман убеждает читателя, насколько бесчеловечно осуществление своих притязаний за счет других людей, противопоставление своего счастья — всеобщему счастью. Бесчеловечно, потому что за преступление Раскольникова расплачиваются другие. Бесчеловечно, потому что преступление ведет к разрушению личности самого преступающего.

Нравственные уроки эти важны и для нашей жизни. В этом, в частности, легко убедиться, обратившись к произведениям современной литературы.

Закончив изучение романа Достоевского, мы обратились к повести Василя Быкова «Сотников».

Говоря о Рыбаке, прослеживая шаг за шагом, как приходит он к предательству, девятиклассники особо выделили то обстоятельство, что Рыбак, по натуре своей не подлец, стремясь сохранить свою жизнь любой ценой, все время пытается обмануть себя, успокоить свою совесть.

«Попав в плен, Рыбак уже не думал ни о Сотникове, ни о женщине, которая их укрыла, а только о спасении своей жизни любыми путями. Он начинает выкручиваться перед следователем, хочет даже во всем обвинить старосту. У Рыбака возникает страшная, нечеловеческая мысль, что хорошо бы, если бы Сотников умер, тогда ему одному легче было бы выкрутиться. Рыбак старается остаться в живых, думая, что он уже потом отомстит и за Сотникова, и за Демчиху. Когда он соглашается стать полицаем, то этим старается оправдать себя, он сам себя обманывает».

«На допросе ему кажется, что он хитрит, обманывает Портнова. Но на самом деле он обманывает себя. Рыбак говорит следователю сведения об отряде, считая, что в данный момент это все второстепенно: потом он все искупит, за все отплатит врагу. Но один шаг за другим, и он становится на путь предательства, в то же время оправдывая себя».

«Рыбак цепляется за жизнь любыми способами. Лишь бы жить! Чтобы сохранить свою свободу, он жертвует другими, идет на подлость, успокаивая себя тем, что он будет «хорошим» полицаем, что он «ничего плохого он себе не позволит». «Разве он враг своим?» — рассуждает Рыбак, тем самым обманывая себя».

«В повести не раз упоминается о машине фашизма. Идя на предательство, Рыбак думал: «Может, куда разумнее будет

подобраться со стороны и сунуть ей меж колес какую-нибудь рогатину. Пусть напорется да забуксует, дав тем возможность потихоньку смыться к своим». Сотников спорит с ним: «Или ты будешь служить ей, или она тебя сотрет в порошок». И случилось так, как говорил Сотников».

Мне представляется оправданием то выражение, которое, перефразируя Достоевского, употребила одна из учениц: «Рыбак разрешил себе «предательство по совести», считая, что предает тех, кто остался в отряде, ради борьбы, ради дела, а на самом деле ради себя, ради того, чтобы существовать».

Быков показывает беспощадность логики преступления, предательства: именно он, Рыбак, должен будет повесить Сотникова, пусть даже, как об этом потом напишет сам автор в одной из статей, «не желая того, — переживая».

В итоге даже сам Рыбак увидит все, как оно есть: «возврата к прежнему теперь уже не было — он погибал всерьез, насовсем и самым неожиданным образом», «Теперь он всем и повсюду враг. И, видно, самому себе тоже».

И первопричину этого падения четко определяет Сотников: «Рыбак был неплохим партизаном, наверное, считался опытным старшиной в армии, но как человек и гражданин, безусловно, недобрал чего-то. Впрочем, он решил выжить любой ценой — в этом все дело».

Сам же Сотников сумел до конца остаться человеком и гражданином.

«Сотников в первую очередь думает о других: «И он напряженно думал, придавленный тяжестью вины, лежавшей на нем двойным грузом, — и за Рыбака, и за Демчиху. Сотников не ищет никакой лазейки, не хочет идти ни на какую сделку со своей совестью. «Сволочи!» — единственное, что он может сказать следователю. Старосту, которого хотел убить, Сотников встречает в тюрьме. Он будет повешен за то, что ничего не сообщил о Рыбаке и Сотникове. И Сотников, полуживой, за несколько часов до смерти, страдает из-за того, что чуть не убил честного человека».

«Сотников, как только попал в плен, понял, что ему отсюда уже не выбраться. И он хочет сделать что-либо для людей: спасти их, если удастся, приняв всю вину на себя, и сделать свою смерть не бесполезной. И «если что-либо еще и заботило его в жизни, так это последние его обязанности по отношению к людям, волею судьбы или случая оказавшимся теперь рядом. Он понял, что не вправе погибнуть прежде, чем определит свои с ними отношения, ибо эти отношения, видно, станут последним проявлением его «я» перед тем, как оно навсегда исчезнет».

И один из источников его духовной стойкости, считают девятиклассники, в его правдивости перед самим собой, нравственной беспощадности к самому себе.

«То, что он заранее готовился к самому худшему, не тешил себя иллюзиями, не надеялся на спасение, тоже помогло ему, поэтому приговор не явился для него таким ударом, как для Рыбака».

«В детстве у него был случай, когда он взял отцовский маузер, который ему строго запрещали брать. Его попросила мать, чтобы он рассказал все отцу. Отцу он рассказал, умолчав о том, что его попросила сделать это мать. Потом мальчик мучился тем, что не сказал отцу всю правду. «Это был урок на всю жизнь. И он ни разу больше не солгал ни отцу, ни кому другому, за все держал ответ, глядя людям в глаза». Сотников не мог пойти ни на какой компромисс со своей совестью. Попав в плен, он только боялся физически не выдержать пыток, единственным его желанием было с чистой совестью, с достоинством принять смерть».

И здесь вернемся еще раз к сочинениям девятиклассников о романе «Преступление и наказание». Даже те ученики, которые говорили о ложности идей Раскольникова, об индивидуалистическом характере его бунта, все же в объяснении причин преступления видели обстоятельства, если и не снимающие полностью вину с героя романа, то во всяком случае смягчающие ее, более того, даже освобождающие от личной ответственности.

Раскольников — «жертва тех безысходных тупиков, в которые попадают люди, задавленные бедностью», его преступление «объясняется только уродливым устройством общества», «преступен не человек, а строй, толкнувший на преступление» — так думают многие.

Зная об этой особенности восприятия романа, я и стремился на уроках показать, что, раскрывая в романе страшный мир, изображая человека, которому некуда пойти, говоря о страданиях безграничных, Достоевский убежден, что нет таких причин и обстоятельств, которые могли бы оправдать бесчеловечность идей и поступков, снять с человека нравственную ответственность, что среда не лишает человека нравственной свободы.

Теперь, прочитав повесть Быкова, ученики сами об этом говорили:

«Перед нами прошли два человека, два характера. Оба они одного возраста, оба попали в одинаковое положение при одинаковых обстоятельствах, но они находят разные выходы из него: Сотников выбирает смерть, Рыбак — путь предательства.

Сотников остается верен себе. Рыбак изменяет всему тому, чему его учили с детства, тому, за что он дрался с начала войны. Не правда ли, странно звучит это? Но здесь нет ничего странного: ведь дело не в обстоятельствах, а в самой сути человеческой».

В «Сотникове» утверждается величие совести коммуниста, в основе которой высокая идея, ставшая личным и кровным убеждением, а потому определяющая смысл жизни. И вместе с тем в повести показана причина падения человека: она в «душевной всеядности», «несформированности его нравственности». (Здесь и далее я цитирую статью Быкова в «Вопросах литературы».) «Конечно, современный читатель не стоит перед таким выбором, но судьба Рыбака, может быть, заставит его задуматься над тем, как опасны сделки с собственной совестью и к чему они могут привести человека».

Читая повести Быкова, мы еще и еще раз убеждаемся, что компромисс с совестью всегда связан с отступлением от идей и идеалов.

На следующем уроке мы обращаемся к повести Валентина Распутина «Живи и помни».

Андрей Гуськов, дезертировавший с фронта и теперь скрывающийся около родной деревни, в тайге, перед этим три года воевал не лучше, но и не хуже других. Что же могло привести его к нравственному падению? Почему солдат, три года честно воевавший, стал дезертиром? Отвечая на этот вопрос, девятиклассники говорили, как шаг за шагом показывает Распутин логику постепенного, но последовательного падения человека, преступившего незыблемые нравственные принципы, как шаг за шагом сдает позиции его сговорчивая, уступчивая совесть.

«Распутин ведет своего героя все время вниз, как будто его затягивает преступная трясина: сначала просто злость на то, что не дали отпуск; потом решение съездить самовольно, управиться за день-два и вернуться; не уложившись в намеченный срок, он оставляет мысль о возвращении на фронт; паразитом живет у глухонемой Татьяны, платит ей черной неблагодарностью; наконец, возвращается домой и, вовлекая в свое преступление Настену, становится причастным к ее смерти».

«Раскольников идет убивать, вооружившись своей теорией-идеей, разрешающей «кровь по совести». Гуськов также, совершив такой страшный шаг, ищет себе заступы, оправдания, пытается еще за что-то зацепиться, спасти себя. «Это все война, все она, — снова принялся он оправдываться и заклинать. — Мало ей убитых, покалеченных, ей еще понадобились такие, как я. Откуда она свалилась — на всех сразу! — страшная, страшная кара. И

меня, меня туда же, в это пекло, — и не на месяц не на два — на годы. Где было взяться мочи, чтобы выносить ее дальше? Сколько мог, я дюжил, я ж не сразу, я принес свою пользу. Почему меня надо равнять с другими, с заклятыми, кто с вреда начал и вредом же кончил? Почему нам уготовлено одинаковое наказание? Им даже легче, у них хоть душа не мается... Я же не власовец какой-нибудь, что против своих двинулся, я от смерти отступил. Неужто не зачтется?!» Гуськов ищет оправдания, обманывает сам себя, скрывает, причем от себя, истинную суть своего антигражданственного, античеловеческого преступления».

«Гуськов не мог простить людям, живущим открытой, честной жизнью, свои обиды; он ненавидел людей и тянулся к ним одновременно. Однажды Гуськов отправился в дальнюю деревню, где его не знали. Но, подойдя к деревне, он вспомнил, что сегодня праздник, люди с того берега веселятся сегодня. И страшная ненависть к людям обожгла его. В человеке проснулся зверь, проснулся, чтобы не засыпать больше».

И очень четко определяют ученики первопричину дезертирства, то, с чего началось преступление Андрея Гуськова.

«Его приход, а точнее, побег с фронта приносит страдания и ему, и его близким. Почему? Потому, что он преступил через свою совесть, через интересы своей Родины, через товарищество, через долг Он посчитал себя выше, достойнее тех миллионов солдат, которые проливали в то время кровь на фронтах и так же, как и он, мечтали о возвращении домой, о жене, о детях. Но имели ли они на это право? Ведь шла война, кровопролитная война за Родину, а это значит и за дом, жену, детей. Те миллионы посчитали — нет, а он, Андрей Гуськов, посчитал, что он вправе, и самовольно устроил себе отпуск, а это не могло остаться без последствий».

«Приказ: на фронт. Но Гуськов еще раньше сказал себе: «Все. Теперь пусть воюют другие». И поехал домой, тайком, сознавая, что нет ему места среди людей». В нем победил эгоизм. Ведь если бы каждый солдат сказал себе, так же, как он, что было бы тогда? Ему хотелось домой, он боялся, он устал. Но ведь все устали, всем хотелось домой. Но ведь потому-то и спасли свои дома люди, что их не было дома. А Гуськов не хотел знать ничего, кроме своих желаний. И в результате: «Живые там, он — здесь», — говорит о нем Настена, Он уже не живой, он не полностью человек. Даже по-волчьи выть научился».

Андрей Гуськов сбежал с этой единственной дороги, которая вела к дому. Он хотел выбрать путь, что покороче. Но окольная дорога оказалась не то что дальней. Она не к дому, к пропасти привела. И расплачиваются за все отец Андрея, жена его и его так

и не родившийся ребенок. И сам Гуськов, тем, что перестал он быть человеком.

Но почему Настена, жившая, как и все, верой в победу и работой для победы, помогает скрываться своему мужу-дезертиру?

«После их встреч, когда Андрей угрожает ей, она одной фразой разбивает его страх: «Да разве не жена я тебе?» Вместе, так уж до конца».

«Но что делать с безудержной женской любовью, которая, однажды вспыхнув в сердце, никогда не потухнет, которая еще подогрета тремя годами мучительного ожидания мужа и восемью годами страстного желания материнства, тоски по материнству?»

«С детства Настена не видела счастья, но она ждала его, счастье чудилось ей везде. Не обрела его Настена и в замужестве. Вся беда была в бездетности. «Бездетность и заставила Настену терпеть все». Виноватой в своем доме Настена считала себя. Нередко Андрей поднимал на жену руку, но Настена сносила все. Последний год перед войной они прожили иначе. Но началась война, ушел Андрей, а Настене осталось только ждать и терпеть все. Зла на него она не держала, жила в ту тяжелую пору лишь мыслями о муже, была у нее единственная надежда: «Лишь бы вернулся Андрей». И Андрей вернулся. Но пришел он не той дорогой, какой ожидала она его. Вернулся муж, и принимать его надо было таким, каков он есть. Да она и не мыслила иначе. Настена считает виноватой себя: «Если бы не я — этого, может, не случилось бы». Настена не могла предать его теперь, предать человека, который — думалось ей — из-за нее одной совершил преступление».

«Настена провожала мужа, плакала, получала письма с фронта и ждала, ждала, ждала... Она работала, не покладая рук. Горе и накипевшую злость оставляла она в поле или вязанке дров, а в мыслях одно: «Лишь бы вернулся Андрей...» «Этим она и жила, пока тянулась война, этим и дышала в то страшное время, когда никто не знает, что будет завтра». Она ждала его какой бы он ни пришел: хромой, глухой, искалеченный, но лишь бы пришел. И Настена вспоминает часы, дни, минуты счастья. Возвращение Андрея она воспринимает не иначе как исполнение самого заветного желания. Ради его исполнения она готова на все: идти к нему в пургу, в мороз, по хрупкому льду, не есть самой, а отнести Андрею, даже встать против воли свекра и свекрови, а главное — молчать...

«У Настены нет другого пути. Отказаться, не принять Андрея — это значит перечеркнуть самое себя. Самое главное, что ее толкает в лес, — это любовь к мужу, светлая, безграничная,

щедрая. «Если ты над собой что доспеешь, я тоже решусь, так и знай», — в отчаянии говорит Настена Андрею, и видя, как он самоистязается. «Давай вместе. Раз ты там виноват, то и я с тобой виноватая. Вместе будем отвечать. Если бы не я — этого, может, и не случилось бы... Я с тобой была — неужели ты не видел? Где ты, там и я», — убеждает Настена Андрея. Как Достоевский в романе, так и Распутин в повести показывает подвиг женского самопожертвования, женской самоотверженности».

«Настена не может бросить Андрея одного в беде, она понимает, что «не вынести Андрею этой вины, ясно, что не вынести, не зажить, не заживить никакими днями». Так как же теперь от него отказаться? Настена говорит Андрею: «Надо быть вместе, когда плохо — вот для чего люди сходятся». По-моему, эти слова могла бы сказать Соня Раскольникову».

«Потом Настена пытается вернуть Андрея к нормальной жизни, уговаривает его повиниться. «А я за тобой куда хочешь пойду, на любую каторгу». Снова вспоминаешь разговор Сони и Раскольникова. Вообще Настена во многом походила на Соню Мармеладову: то же стремление к справедливости, та же доброта и самопожертвование ради других».

Конечно, мы сказали и о том, что разъединяет Соню с ее Евангелием и ее кротостью и Настену, столь различных по взглядам на мир и по ощущению своего места в мире. И вместе с тем — о тех непреходящих нравственных ценностях, которые поэтизировал Достоевский в Соне Мармеладовой и которые так близки и дороги нам. Читаю на уроке авторский комментарий Валентина Распутина к образу Настены: «Ее прототип — представление о русской женщине, какой она была и какую хочется знать не только по воспоминаниям, — женщине доброй, преданной, самоотверженной и готовой к самопожертвованию. О женщине, которая по своему пониманию жизни не сможет сказать: ты виноват, а я нет — в которой это сознание вины за другого, как своей собственной, существует постоянно».

Почему же покончила Настена жизнь самоубийством?

«За это, словно чужое, украденное счастье (да счастье ли) ей приходилось расплачиваться на этом берегу Ангары. Тяжелая это была плата. Война все ближе и ближе подходила к концу. Вернулся в Атамановку первый фронтовик, Максим Волгожин. За все томительные годы войны это был первый настоящий праздник. В Атамановке все понимали: война заканчивается. Эта общая радость собрала всю деревню в доме Волгожиных. Пришла сюда и Настена. Но теперь она чувствовала себя здесь чужой. «Она не могла ни говорить, ни плакать, ни петь вместе со всеми — как никогда раньше. Настена поняла здесь, что ничего этого

нельзя: не имеет права». Настена чужая на этом горьком празднике, где радость пополам со слезами. Она, как никогда ясно вдруг поняла: здесь она посторонняя».

«Кончилась война. Наверное, трудно представить безграничную радость тех, кто дожил до этого дня. В деревне волнение, несмолкаемые крики, а вот Настена чуждается людей и уходит к себе и сидит в забытье. «Что-то удерживало, наговаривало, что это не ее день, не ее победа, что она к победе никакого отношения не имеет».

И вновь вспомнили Достоевского: ведь самое страшное для Настены в том, что она, воспользуемся словами из «Преступления и наказания», точно ножницами отрезала себя от всех и всего. А что может быть страшнее?

«Остался один страх и стыд. «Стыдно, почему так истошно стыдно и перед Андреем, и перед людьми, и перед собой? Где набрала она вины для такого стыда?»

И опять обратились к «Преступлению и наказанию»: «Ну как же, как же без человека-то прожить?».

«В конце повести Настена лишает себя жизни. Что это? Страх разоблачения или понимание своей неоплатной вины перед людьми? По-моему, второе. Она смогла стать сильнее Андрея и сама наказать себя, хотя разве она не была наказана всеми мучениями, выпавшими на ее долю?»

«Гуськов не хочет отзываться на их (односельчан) слезы и радости, а Настена «не смеет». Он быстро приспосабливается к одинокой жизни: да, его по-прежнему тянет к людям, к человеческому жилищу, но уже не как равного к равным, а как тянет иногда лесного зверя к теплому дому. А Настена не может жить отдельно от людей. Она действительно воплощение совести и душевной чистоты. Настена, а не Андрей понимает всю чудовищность и безысходность положения; мысли, которые должны были бы прийти к Андрею, терзают его жену: «Можно... вместе любой позор, но можно ли обмануть... весь мир разом?.. Не слишком ли большой принимает грех? — больше себя самого, больше всей остальной жизни, которой пришлось бы его замаливать». Этот грех, эта вынужденная ложь точат ее, опустошают, убивают ее душу — душу Настены, которая «больше всего на свете боялась душой остыть». Настена не может, не в состоянии жить против всего мира, сознавая свою неправоту, в разладе с самой собой. Невозможность для человека самообмана, жизни без совести, одиночества, вечной ненависти доказывает гибель Настены».

Заканчивая размышления о повести Распутина, я спросил в классе, в чем смысл заглавия ее — «Живи и помни».

Девятиклассники хорошо поняли, что смысл заглавия неоднозначен, многослоен, многомерен.

Живи и помни. Это обращение к Андрею Гуськову.

«Живи и помни, Андрей Гуськов, ты больше не человек, живи и бойся всех, теперь ты враг всем людям и будешь им навсегда».

«Живи и помни, что там, на фронте, лицом к лицу со смертью остались твои товарищи, которые любили жизнь и хотели жить не меньше, чем ты. Именно потому они остались там, а ты волком воешь здесь. Живи и помни, что трус ты и предатель и что никогда не искупить тебе ту страшную вину, которую ты сам на себя взвалил.

Живи и помни. Это обращение и к читателю, к нам».

«Сложен человеческий характер, сложна жизнь, но нет счастья, если обманываешь людей, обманываешь Родину».

«Человеку необходимо помнить о том, что он человек, гражданин».

«Это призыв автора к нам, к его современным читателям. Он призывает нас помнить о том, что преступление совершают не только преступники; лишь тот, кто постоянно себя контролирует, лишь тот, кто не дает себе сойти со своей дороги, потому что на ней трудно, остается человеком. Заданности в человеческой жизни не существует, за каждый поступок человек отвечает сам, потому что сам его совершает».

3

Г. Бакланов в статье об «Обелиске», говоря о том, что проблема выбора, стоящая в повести, проблема оценки событий волнует людей и сегодня, напомнил слова Фучика: «Обязанность быть человеком не кончится вместе с теперешней войной, и для выполнения этой обязанности потребуется героическое сердце, пока все люди не станут людьми».

Но что значит быть человеком не перед лицом смерти, а перед лицом повседневной жизни?

Здесь особенно важны для нас уроки Чехова.

В нравственно-эстетическом мире Чехова два полюса. С одной стороны — человек, которому нужен «весь земной шар, вся природа, где на просторе он мог бы проявить все свойства и особенности своего свободного духа», человек, открытый всем влияниям жизни; «честные, свободные» люди, видевшие и слышащие тех, которые страдают, одаренные «талантом человеческим» — «тонким, великолепным чутьем к боли вообще».

С другой стороны — человек в футляре, стремление отгородиться от жизни и запрятаться в футляр, который «защитил бы от внешних влияний», нежелание видеть и слышать, «что есть несчастные», «счастливое семейство, сидящее вокруг стола и пьющее чай», жизнь в футляре, будь то беликовская комната со всегда закрытыми ставнями или дом Туркиных с распахнутыми в сад окнами, одиночество Чимши-Гималайского в своей усадьбе со своим крыжовником или многолюдье гостиной Ольги Ивановны Дымовой.

При этом нужно подчеркнуть вот что. До сих пор пошлость часто воспринимают как синоним необразованности, бескультурья в узком смысле этого слова. Чехов же, по словам Горького, умел «найти плесень пошлости даже там, где с первого взгляда, казалось, все устроено очень хорошо, удобно, даже — с блеском».

«Живем в городе в духоте, в тесноте, пишем ненужные бумаги, играем в винт», «проводим всю жизнь среди бездельников, сутяг, глупых, праздных женщин», «неистовая игра в карты, обжорство, пьянство, постоянные разговоры все об одном» — это футляр.

Но и вечеринки у Ольги Ивановны Дымовой, на которых «хозяйка и гости не играли в карты и не танцевали, а развлекали себя разными художествами», читали, пели, рисовали, «говорили и спорили о литературе, театре и живописи» — это тоже футляр, ибо за всем этим — равнодушие к людям, презрение к «простому», «обыкновенному» человеку, по сути своей все та же «куцая, бескрылая жизнь».

Ни профессия, ни место службы, ни образование сами по себе не гарантируют от пошлости. Более того, пошлость интеллигентная, утонченная особо опасна. Сегодня это напомнить, а может быть, кому-то и открыть особо важно (поэтому я считал необходимым на уроке подробно остановиться на «Попрыгунье»).

Чехову дороги и близки те герои его произведений, которые воспринимают футлярность как проклятье, как трагедию«(для них футляр оборачивается тюрьмой или сумасшедшим домом то в самом прямом, то в переносном смысле этих слов: и уйти и бежать нельзя, точно сидишь в сумасшедшем доме, или в арестантских ротах!)», стремятся уйти, сбежать, вырваться из ненавистной футлярной жизни, как Рагин, рвущийся из палаты № 6, как Иван Иванович Чимша-Гималайский, всей душой осознавший, что «больше так жить невозможно», как Гуров и Анна Сергеевна, мучительно думающие, «как освободиться от этих невыносимых пут», как Надя Шумина, сумевшая бросить и дом, и

жениха, и «всю праздную, бессмысленную жизнь».

Любимые герои Чехова — люди, умеющие держать ответ перед беспощадной совестью. Помните, в «Палате № 6»: «Как могло случиться, что в продолжение больше чем двадцати лет он не знал и не хотел знать этого? Он не знал, не имел понятия о боли, значит, он не виноват, но совесть, такая же несговорчивая и грубая, как Никита, заставила его похолодеть от затылка до пят».

И с горечью думает писатель о милых, симпатичных, интеллигентных людях, которые смиряются, покоряются, подчиняются, терпят. «Мыслящие, порядочные, читают и Щедрина, и Тургенева, разных там Боклей и прочее, а вот подчинились же...» (чтобы строки эти звучали «во весь голос», напоминаю на уроке, что читали Тургенева — автора «Накануне», «Отцов и детей», «Порога» — произведений о непокорных, неподчинившихся, Щедрина — автора «Премудрого пескаря», писателя, заклеймившего трусость, приспособленчество, холуйство).

Закончив уроки, посвященные творчеству Чехова, мы обратились к повести Юрия Трифонова «Обмен».

«В июле мать Дмитрия Ксения Федоровна тяжело заболела, и ее отвезли в Боткинскую, где она пролежала двенадцать дней с подозрением на самое худшее. В сентябре сделали операцию, худшее подтвердилось, но Ксения Федоровна, считавшая, что у нее язвенная болезнь, почувствовала улучшение, стала вскоре ходить, и в октябре ее отправили домой, пополневшую и твердо уверенную в том, что дело идет на поправку. Вот именно тогда, когда Ксения Федоровна вернулась из больницы, жена Дмитриева затеяла обмен: решила срочно съезжаться со свекровью, жившей одиноко в хорошей двадцатиметровой комнате на Профсоюзной улице».

Так начинается повесть, и на последующих ее страницах и рассказывается об этом обмене. Но все поняли: главное в повести не этот обмен, а другой.

«Не обмен квартирами в центре внимания, а обмен души человека. Доброта, чуткость, честность, совесть, нежелание кривить душой меняются на бездушие, пошлость, равнодушие к чужой боли, бессердечность».

«Постепенно происходит обмен человечности на пошлость, интеллигентности — на мещанство. И оказывается, что жизнь не сложилась, потому что человек обменял, а вернее, разменял главное в своей жизни на мелочи, дрязги, пустяки».

«Люди меняют любовь на непонимание, на равнодушие, свои лучшие человеческие чувства и качества на нечто ложное и поддельное».

«Здесь рассказано об обмене совести и чуткого, отзывчивого сердца на покой и удобства».

«Он обменял мир, где труднее, потому что там живут по строгим нравственным законам, на мир, где жизнь легче, где не судят строго за поступки, где можно убежать от угрызений совести, свалив вину на обстоятельства».

«Ксения Федоровна говорит сыну: «Ты уже обменялся, Витя. Обмен произошел... Это было очень давно. И бывает всегда, каждый день, так что ты не удивляйся Витя, не сердись. Просто так незаметно». Да, обмен происходил каждый день».

Но как и почему произошел этот обмен? — Этот вопрос и стал главным в наших размышлениях над повестью.

Жестко и беспощадно говорили девятиклассники о Лене, жене Дмитриева, о Лукьяновых, ее родителях, но прежде всего и больше всего предъявляли счет самому Дмитриеву. И, на мой взгляд, достаточно полно ответили на этот вопрос.

«Дмитриев потихоньку сдавался. Но все это было так обыденно, буднично, что он этого не замечал. Что-то проглядел, чему-то не придал значения, иногда уступал, часто там, где можно было бы отстоять свое мнение. А ведь сколько было хорошего. А потом все как-то закружилось, закрутилось, понеслось, забылось в мелочах жизни».

«Сначала все казалось ему житейской мелочью: и то, что Лена забрала все чашки, и то, что портрет отца Дмитриева повесили в проходную комнату, и то, что ее родители, обидевшись, уехали. «Ах, чепуха. Стоит ли говорить?»

«Человеку свойственно ошибаться — мудрая истина. Но нередко бывает так, что свойственные ему, с первого взгляда кажущиеся легко поправимыми ошибки в действительности оказываются роковыми, за которые приходится расплачиваться всей своей жизнью».

Это справедливо выдвинуто, как исходное. Читая повести В. Быкова, мы видели, как человек проверяется и проявляется в ситуации исключительной, крайней, в испытании перед лицом смерти. Трифонов проверяет своих героев бытом, буднями, повседневностью, мелочами жизни. (Понять значение этого испытания, уметь увидеть его нам, как, наверное, и писателю, помог Чехов.)

И оказывается, что это тот же экзамен, нелегкий, трудный, экзамен, который, увы, не все выдерживают. Может быть, в частности и потому, что мелочи жизни так и воспринимаются всего лишь как мелочи, просто как мелочи.

И еще. Здесь, в текучке будничной повседневности, совесть легче самоуспокаивается (в частности, и по той же причине:

мелочи, чепуха), а потому и обмануть себя здесь проще, да и удобнее.

И об этом — о том, как Дмитриев успокаивает себя, урезонивает свою совесть — девятиклассники говорили особенно обстоятельно, хорошо поняв, что в этом-то и состоит внутренний механизм обмена. При этом они хорошо видели все ступени этого самообмана, а потому самообмена.

«Он делает слабые попытки спорить с женой, обвиняет ее в бесчеловеччости, недоразвитости чувств, но каждый раз покоряется, смиряется, успокаивается. И появляются мысли о том, что Лена хочет сделать лучше для семьи, что обмена хотела и сама Ксения Федоровна. Фактически согласившись на обмен, Дмитриев совершает сделку со своей совестью, он преступает. Теперь перед ним стоит лишь одна преграда: как сказать об этом матери? И здесь он находит, чем оправдаться, и тоже преступает, но преступает «по совести». Ведь «чем скорее обменяются, тем лучше. Для самочувствия матери. Свершится ее мечта. Это и есть психотерапия, лечение души! Когда хирурги бессильны, вступают в действие иные силы». С такими благими намерениями любимый сын Виктор шел к матери».

Таков первый обычный аргумент самоуспокоения: да так же лучше для дела, для другого человека. Но совесть потому и совесть, что она неуступчива. Уж очень трудно забыть Дмитриеву, как Лена отказывалась от этого обмена прежде, до болезни матери.

И тогда появляется другой, тоже привычный в таких ситуациях, резон: ведь это не я, я что, я только... Помните Рыбака, принявшего участие в казни Сотникова из повести Быкова: «Разве это он? Он только выдернул этот обрубок. И то по приказу полиции». В принципе то же самое и в «Обмене».

«Потом история с Левкой. Ведь Виктор предал товарища, но недолго мучился. Объясняя друзьям и знакомым, что все затеяла Лена, что это ее идея, он успокаивается и сам начинает верить в то, что он ничего не смог сделать».

И обмен ведь тоже затеяла Лена. Но и здесь нелегко обмануть себя. И вот тут-то услужливая мысль подсовывает самый весомый и самый «беспощадный» аргумент, каким в таких случаях куда как легко себя ублажить: а что можно сделать? Так всюду, так везде, так все, да и всегда.

«Сначала он стыдился, мучился, тяготился несправедливостью, а потом все вставало «на свои места», ведь так же «очень многие делают, все так живут».

«Вот он занимает место, к которому так долго стремился и которого добивается его друг. А Дмитриев ведь и не хотел туда

попасть. Это решила Лена, увидев выгодность места, а Виктор понимал гадость, подлость этого поступка, но подчинился воле Лены. «Три ночи не спал, колебался и мучился, но постепенно то, о чем нельзя было и подумать, не то что сделать, превратилось в нечто незначительное, миниатюрное, хорошо упакованное, вроде облатки, которую следовало — даже необходимо для здоровья — проглотить, несмотря на гадость, содержащуюся внутри». И опять успокаивала мысль: «Этой гадости никто ведь не замечает. Но все глотают облатки».

«Сознавая свою слабость и неумение противостоять напору хамства, он пытается найти для себя оговорки: «Все олукьянилось окончательно и безнадежно. Но, может быть, это не так уж плохо? И если это происходит со всеми — даже с берегом, рекой и травой — значит, может быть, это естественно и так и должно быть?»

Так постепенно успокаивается совесть, так шаг за шагом, постепенно происходит обмен. Что же касается первопричины, то диагноз точно установлен автором и хорошо увиден читателем.

«Раньше задумывался, раньше мучился, раньше не терпел лжи, подлости и сопротивлялся ей — все было раньше. Но что же произошло теперь? А теперь... он привык, просто-напросто привык, как все привыкли, решил ни во что не вмешиваться, что не касалось его лично. Дмитриев успокоился на той мысли, что «нет в жизни ничего более мудрого и ценного, чем покой, и его-то нужно беречь изо всех сил».

«Дмитриев испугался, когда Лена заговорила о том, чтобы поскорее съехаться со свекровью. Но Дмитриев испугался не бесчеловечности этого предложения, а того, что нарушится его прежняя спокойная жизнь».

«Когда он понял тайную и простую мысль Лены, ему стало стыдно. Стыдно за Лену ли, за себя ли — он не понимал. Возмущало же Дмитриева только то, что она сама начала этот разговор, а не дождалась, пока он сам заговорит об этом. Он даже закричал на Лену: «Ей богу, в тебе есть какой-то душевный дефект. Какая-то недоразвитость чувств. Что-то, прости, недочеловеческое». Но эта вспышка была мгновенной, на большее (навсегда запретить Лене и упоминать об обмене) его уже не хватило. Устал. Сел на тахту и подумал, как было хорошо прежде без этих ссор и споров: тихо, мирно, спокойно. Ради этого Дмитриев готов был примириться со всем, даже с жестокостью по отношению к собственной матери!»

Да, когда происходят обмены, то все эти разговоры о том, что так, дескать, лучше для дела, что я тут, мол, и ни при чем, что вообще все так... что сделать ничего невозможно, как тут ни

старайся, все эти настойчивые стремления убедить себя в собственной порядочности — все это лишь нехитрый комуфляж, за которым всегда забота о своем благополучии, своем спокойствии, своих благах.

Повесть «Обмен» вызывала в классе и споры. Но хотя что-то в повести было воспринято по-разному, то, ради чего она была написана, было верно понято всеми. Повесть, рассказывающая об отчужденности от совести, была воспринята как утверждение человечности, защита совестливости, борьба за идейность.

В. И. Ленин писал о том, как нужны нам люди, «за которых можно ручаться, что они ни слова не возьмут на веру, ни слова не скажут против совести».

Уроки бескомпромиссной совести и дают нам книги классиков и произведения современной советской литературы.

ВРЕМЯ ЖАТЬ И ВРЕМЯ СЕЯТЬ

...предостеречь молодежь от опасности душевного очерствения, помочь ей усвоить и обогатить духовный багаж, накопленный предшествующими поколениями. Это вопрос вопросов всего нашего бытия.

Федор Абрамов

1

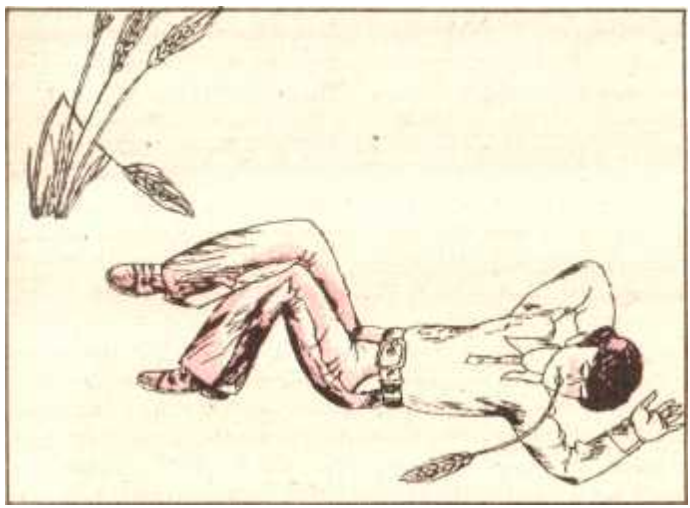
В романе «Берег» Юрий Бондарев приводит нас в гамбургский дискуссионный клуб на диспут между советским писателем Никитиным и господином Дицманом, главным редактором крупнейшего западногерманского издательства «Вебер», где были переведены последние романы Никитина.

Дицман говорит, что на послевоенном Западе «веры в идеалы нет, все изверились в евангелическом добре и в человеке, старые боги-добродетели умерли, их нет». Но и нас, считает господин Дицман, ждет «испытание верой» и мы скоро перестанем говорить «о некоих идеалах и смысле жизни». «Итак, дело в том, господин Никитин, что современные западные немцы слишком много думают о новых моделях «мерседеса», о холодильниках и уютных загородных домиках, и у среднего немца исчезает или уже нет ни высокой духовной жизни, ни духовной веры... Прагматизм подчиняет все. Истоки и модель — Америка. Боюсь, господин Никитин, что через несколько лет Советский Союз тоже зажрется, и у вас тоже исчезнет духовная жизнь: машина, квартира, загородный коттедж, холодильник станут богами, как на Западе. И вы постепенно забудете сороковые годы, войну, страдания...

Аргумент, который выдвигает Дицман — рост благосостояния, неизбежно приводит к девальвации идей и идеалов — один из самых распространенных аргументов наших противников. Хорошо понимая спекулятивность этой аргументации, мы в то же время видим, что спекулирует она на реально существующих проблемах. И мы соглашаемся с героем романа Бондарева Никитиным, когда он отвечает Дицману: «Вряд ли. Хотя знаю, что нас тоже ждет испытание миром вещей».

Дело, конечно, не в вещах самих по себе. Дело в тех новых проблемах, которые рождает современная жизнь и которых не знали предшествующие десятилетия нашей истории.

Для юноши «обдумывающего житье, решающего, делать жизнь с кого», Павел Власов и Павел Корчагин, Левинсон и Давыдов и сегодня являются примерами высокой одухотворенности, идейности, нравственной стойкости. Но именно для того, чтобы герои эти разговаривали с современными десятиклассниками, как живые с живыми, мы должны вписать произведения, которые о них рассказывают, в контекст наших дней, наших размышлений о жизни, показать, какие непреходящие ценности несут они и что в образе мыслей, нравственных представлениях их героев принадлежит истории, неповторимому колориту первых революционных десятилетий. Нужно учиться жить у Павла Власова и Семена Давыдова. Нужно продолжать дело, начатое ими. Но нельзя и механически переносить Павла Власова и Семена Давыдова из их лет в наше время: оно во многом иное, и люди теперь во многом иные.



Читая книги советских писателей, мы показываем школьникам, что наша сегодняшняя жизнь оплачена жертвами, принесенными лучшими людьми страны во имя революции, героическим самоотвержением и самоограничением советского народа в годы пятилеток и военных испытаний. Без этого нельзя понять ни советской литературы, ни нашей современной жизни.

И мы должны убедить наших детей в том, что бывают такие испытания в жизни народа, страны, а иной раз и отдельного человека, когда требуется самоограничение, даже умение жертвовать собой. Ко в принципе наш идеал счастья чужд идеалу

жертвенного аскетизма и самоограничения. Наоборот, удовлетворение все растущих материальных и духовных потребностей советского человека партия считает своей важнейшей задачей.

«За нами, товарищи, — говорил на XXIV съезде партии Л. И. Брежнев, — долгие годы героической истории, когда миллионы коммунистов и беспартийных сознательно шли на жертвы и лишения, были готовы довольствоваться самым необходимым, не считали себя вправе требовать особых жизненных удобств». Но, продолжал далее Л. И. Брежнев, «то, что было объяснимым и естественным в прошлом, — когда на первом плане стояли другие задачи, другие дела, — в современных условиях неприемлемо»[9].

Именно в то суровое время, когда советские люди, отказывая себе во многом и многом, сознательно шли на жертвы, и жили герои книг, изучению которых отведено больше всего времени на наших уроках литературы в десятом классе. Но читают эти книги сегодня школьники, живущие в иное время.

Когда на уроках литературы в десятом классе мы говорим о романе Николая Островского «Как закалялась сталь», то наши ученики смотрят на него глазами сегодняшнего молодого человека. И это вполне естественно. Но в полной мере понять роман, читая его лишь с позиции дня нынешнего, невозможно. Сегодня десятиклассники куда хуже видят то, чего Корчагин и его поколение не имели, чего они были лишены (а не имели они многого из того, что есть у нынешних их сверстников), нежели то, что дала им революция и Советская власть. И тогда в Корчагине видят не обретение счастья, а жертву во имя счастья будущего человечества. Вот почему так важно посмотреть на роман «Как закалялась сталь», вообще на книги 20-х и 30-х годов и их героев не только с высоты 70-х годов, но и с высоты ушедших десятилетий.

Помните яростное выступление Ивана Жаркого на митинге молодежи Шепетовки? «Моя фамилия — Жаркий Иван. Я не знаю ни отца, ни матери, беспризорный я был, нищим валялся под забором. Голодал и нигде не имел приюта. Жизнь собачья была, не так, как у вас, сыночков маменькиных. А вот пришла власть советская, меня красноармейцы подобрали. Усыновили целым взводом, одели, обули, научили грамоте, а самое главное — понятие человеческое дали. Большевиком через них сделался и до смерти им буду».

Самое главное — понятие человеческое дали — вот она, точка отсчета.

Разве не об этом же говорит фурмановский Чапаев? «Я, к примеру, был рядовым-то, да што мне: убьют аль не убьют, не все

мне одно?.. Таких, как я, народят сколько хочешь. И жизнь свою ни в грош я не ставил... Триста шагов окопы, а я выскочу, да и горлопаню: на-ка, выкуси... А то и плясать начну, на бугре-то. Даже и думушки не было о смерти. Потом, гляжу, отмечать меня стали — на человека похож, выходит... И вот вы заметьте, товарищ Клычков, што чем выше я подымаюсь, тем жизнь мне дороже... Не буду с вами лукавить, прямо скажу — мнение о себе развивается, такое што вот, дескать, не клоп ты, каналья, а человек настоящий, и хочется жить по-настоящему-то как следует...

Разве не это же ощущение стало решающим, окончательно определившим путь фадеевского Морозки в революции: ...он вдруг почувствовал себя большим, ответственным человеком...»! Удивительно емко и точно сказал об этом в своей поэме о Ленине Маяковский:

...в люди выведя вчерашних пешек строй...»

Да, они были очень многого лишены, люди того поколения. Но они впервые осознали себя людьми, хозяевами жизни, творцами истории. И вовсе не считали себя обездоленными. Наоборот, жизнь для них, как потом и для тех, кто «вышел строить и месть в сплошной лихорадке буден», открылась в ее высшем смысле, они обрели цель ее, ощутили такую полноту человеческого бытия, «знали такие радости духа (об этом хорошо сказал писатель Федор Абрамов), которые часто не снились сегодняшней молодежи».

Ленин писал, что революция — это «праздник угнетенных и эксплуатируемых. Никогда масса народа на способна выступать таким активным творцом новых общественных порядков, как во время революции. В такие времена народ способен на чудеса, с точки зрения узкой, мещанской мерки постепеновского прогресса».

«Веселое время» — скажет потом об этом периоде Аркадий Гайдар.

«Хорошо!» — назовет свою поэму о революции Владимир Маяковский и провозгласит в ней: «Радость прет... Жизнь прекрасна и удивительна».

«Павел был глубоко счастлив», — напишет в конце своего романа Николай Островский.

Но время это было и сложным, трудным, трагическим. Острота борьбы, предельное напряжение сил, исключительно тяжелое положение страны не могли не породить исторически вынужденный аскетизм — в быту, образе жизни, нравственных

представлениях.

Это самоограничение, во многом определившее и этические позиции, и эстетический вкус, и характер самой жизни, ничего общего не имеет с аскетизмом религиозного схимника, умертвляющего свое тело.

Не уход от мира, не бегство от него, а яростное вторжение в мир. Не сознательное обеднение жизни, а борьба за предельную полноту ее для всего мира, всех людей. Не отказ от счастья, а обретение его.

И вместе с тем — было и это — вынужденное самоограничение. То, о чем сказал поэт: «Но я себя смирял, становясь на горло собственной песне».

И именно потому, что революционный аскетизм масс был исторически вынужденным, он не мог не быть и исторически преходящим. Уже роман Островского «Как закалялась сталь» запечатлел, как жизнь вносила коррективы в нравственные представления, как уточнялись они.

Встретившись вновь с Ритой Устинович, Павел скажет ей: «Книги, в которых были ярко описаны мужественные, сильные духом и волей революционеры, бесстрашные, беззаветно преданные нашему делу, оставляли во мне неизгладимое впечатление и желание быть такими, как они. Вот я чувство к тебе встретил по «Оводу». Сейчас мне это смешно, но больше досадно». И потом в споре с Вольмером: «Я тоже голосую за год жизни против пяти лет прозябания, но и здесь мы иногда преступно щедры на трату сил. И в этом, я теперь понял, не столько героичности, сколько стихийности и безответственности. Я только теперь стал понимать, что не имел никакого права так жестоко относиться к своему здоровью. Оказалось, что героики в этом нет. Может быть, я еще продержался бы несколько лет, если бы не это спартанство. Одним словом, детская болезнь «левизны» — вот одна из основных опасностей моего положения».

Закончив уроки, посвященные роману Островского, я обратился к поэме Ярослава Смелякова «Строгая любовь». Мне важно было показать десятиклассникам, как под влиянием времени изживалась эта детская болезнь левизны в нравственных представлениях и эстетических вкусах, как изменилась сама жизнь, как, не изменяя своим идеалам, изменялись и сами люди. Они, ученики, кончающие школу, должны знать, что есть измена и есть изменения, должны уметь отличать временное, преходящее от основного, главного, определяющего.

В те дни строительства и битв

вопросы все решая жестко,
мы отрицали старый быт
с категоричностью подростков...

Тебе служили, комсомол,
в начале первой пятилетки
простая койка, голый стол,
нагие доски табуретки.

Убогий примус на двоих,
катушка ниток, да иголка,
да два десятка строгих книг,
прибитая гвоздями полка...

Мы заблуждались, юный брат,
в своем наивном аскетизме,
и вскоре наш неверный взгляд
был опровергнут ходом жизни.

Вот об этом ходе жизни, преодолевшем «наивный аскетизм», в котором было так много возвышенно-прекрасного, в котором было свое обаяние и который вместе с тем (с высоты исторического опыта это особенно видно), и обеднял жизнь, рассказывает Ярослав Смеляков. И поэма его помогает постигнуть «жизнь, что, право, куда сложней, чем до этого нам казалось».

И для того, чтобы ощутили десятиклассники эти исторически обусловленные изменения, я решил показать им их на примере всего лишь одного образа — образа дома.

Изучая поэзию Маяковского, мы уже говорили, что стихи его открыты «векам, истории и мирозданью». Вот почему так широк круг его собеседников. Поэт разговаривает с гражданином фининспектором и товарищем Нетте, Александром Сергеевичем Пушкиным и Сергеем Есениным, пролетарскими поэтами и любимой Молчанова, брошенной им, Эйфелевой башней и солнцем, товарищем Лениным и товарищами потомками. И все равно он — поэт — «должник вселенной». Вот масштаб поэтического мышления Маяковского.

И антиподом такого мировосприятия становятся дом, квартира. И поэт стремится вырвать людей из «квартирного мирка», чтобы «жить не в жертву дома дырам».

Лирический герой поэзии Маяковского уходит из дому, из квартирного мирка. О себе же поэт скажет в последнем своем

произведении: «Краснодеревщики не слали мебель на дом».

Эту же антитезу земли, мира, Вселенной — дому, избе, хате, квартире мы увидим и у современников Маяковского. Герой светловской «Гренады» «хату покинул, ушел воевать, чтоб землю крестьянам в Гренаде отдать». И здесь своя хата, с одной стороны, и революция, война, Гренада — с другой, выступают как антиподы. И нам понятно, почему в другом стихотворении Светлов скажет:

Веселую песню поют кашевары,
Тачанка в степи мельтешит.
Я рад, что в огне мирового пожара
Мой маленький домик сгорит...

Вспомним «Смерть пионерки» Багрицкого. Два мира в этом стихотворении. На одном полюсе — изба, крестильный крестик, хозяйство, куры, свиньи, добро (шелковые платья, мех да серебро). На другом — молодость, сабельный поход, боевые лошади, сталь, свинец, юность новая — мир, открытый настежь бешенству ветров.

Дело здесь не только в своеобразии стихов Маяковского, Светлова, Багрицкого. За поэтическими строками стояло мироощущение времени, боевой молодости революции. «Другие юноши поют другие песни... Уж не село, а вся земля им мать» — это увидел и Есенин.

Мир дома, квартирный мирок и мир, открытый настежь бешенству ветров.

Но у того же Маяковского есть и другие строки. Есть написанный в 1928 году «Рассказ литейщика Ивана Козырева о вселении в новую квартиру». Есть написанный в 1929 году «Рассказ Хренова о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка», в котором будущее — это и город-сад, и стоугольный «Гигант», и стены строек, и солнце мартен, и вместе с тем: «Здесь дом дадут хороший нам и ситный без пайка».

Шло время, и дом переставал быть символом обывательского, мещанского мира, антимиром настоящей, подлинной жизни.

А в дни войны дом стал в один ряд с такими понятиями, как Отчизна, Родина, страна.

«Если дорог тебе твой дом» — так начиналось знаменитое стихотворение Константина Симонова. «Я часто вспоминаю тебя, папа, — пишет с фронта лейтенант Николай Потапов, герой рассказа Константина Паустовского «Снег», — и наш дом, и наш городок... Я знал, что защищаю не только всю страну, но и вот этот ее маленький и самый милый для меня уголок...

И несла сокровенные чувства песня:

Не спит солдат, припомнив дом
И сад зеленый над прудом,
Где соловьи всю ночь поют,
А в доме том солдата ждут.

И гибель дома теперь оборачивается трагедией. Вспомним «Враги сожгли родную хату...» Исаковского или горестные раздумья шолоховского Андрея Соколова, увидевшего на месте своей хатенки глубокую яму: «Была семья, свой дом, все это лепилось годами, и все рухнуло в единый миг, остался я один».

Да и сам дом этот не антитеза миру, открытому настежь бешенству ветров, а часть этого мира, одна из основ и опор его. Об этом «Дом у дороги» Александра Твардовского.

Более 30 лет прошло с тех пор, как окончилась война. За эти годы советский человек много сделал для того, чтобы отстроить свой дом, для того, чтобы в доме этом был больше достаток, для того, чтобы лучше, счастливее жили люди.

О «непрерывном улучшении условий жизни граждан», о том, что «наиболее полное удовлетворение растущих материальных и духовных потребностей людей» является высшей целью общественного производства при социализме, говорится в Конституции СССР. Здесь, как видим, сказано о растущих потребностях. И вместе с тем о потребностях материальных и духовных.

В. И. Ленин определял социализм как планомерную организацию общественного производства «...для обеспечения ***полного*** благосостояния и свободного ***всестороннего*** развития ***всех*** членов общества». Полное благосостояние не самоцель нашего общества. Оно — необходимое условие свободного и всестороннего развития человека. И оно благо, когда помогает человеку жить лучше и быть лучше. Но оно может обратиться во зло, когда обедняет человека. Об этом еще раз напомнил XXV съезд партии: «Мы добились немалого в улучшении материального благосостояния советского народа. Мы будем и дальше последовательно решать эту задачу. Необходимо, однако, чтобы рост материальных возможностей постоянно сопровождался повышением идейно-нравственного и культурного уровня людей. Иначе мы можем получить рецидивы мещанской, мелкобуржуазной психологии. Это нельзя упускать из виду»[10].

2

Последние годы в старших классах я провожу уроки, посвященные повестям Федора Абрамова «Пелагея» и «Алька». Прежде всего и в основном мы говорим об «Альке»: она ближе ученикам и по возрасту, и по времени действия. В отчаянно горькую минуту своей жизни Алька «первый раз в своей жизни задала себе вопрос: да кто же, кто она такая? Она, Алька Амосова!»

Кто же она — Алька Амосова? — этот вопрос и поставил я перед девятиклассниками, которые, готовясь к обсуждению повестей, писали домашнее сочинение о них.

Несколько человек восприняли Альку как отрицательный персонаж: у нее «ледяное сердце», «низменные интересы», «для нее не существует ничего прекрасного, возвышенного», она — «распущенный, очень грубый человек».

Большинство же понимает: «нельзя сказать однолинейно, какая она». «Есть в Альке желание похвастаться и покрасоваться». «С ранних лет поняла она, что лучше всего жить именно так — беспечно, «что хочу, то и творю». Приучилась она легче относиться к бедам и радостям своим, а уж к чужим-то... «И все-таки чем-то симпатична Алька. Может быть, своей бесшабашностью, скорее своей честностью. Она не могла бы совершить подлость». «Она полна веселой силы, бесшабашной радости и удали». В ней видишь «буйную веселую безрассудность, широкую безудержную натуру, редчайшую детскую непосредственность». «У нее настойчивый, прямой, горячий характер». «Алька привлекает необыкновенным обаянием молодости, красоты, свежести»... А когда приехала в деревню из города, не могла она осрамиться, уступить, показать себя белоручкой перед деревней, встала на дыбы ее гордость: «Не уступлю! Ни за что на свете не уступлю». И не уступила. «Умеет робить. Не испотешилась в городе», — говорят о ней колхозники».

Но что в Альке главное, что определяет характер, жизнь, судьбу? Я выписал из сочинений, как определяют ученики ту жизнь, к которой стремится Алька: «легкая, веселая, модная», «веселая, легкая», «красивая, интересная», «легкая, жизнь в свое удовольствие», «легкая, беззаботная», «веселая, беззаботная, праздничная», «красивая, шумная, легкая», «беспечная, веселая», «легкая, красивая, веселая»... «Ей хочется красиво жить, легко жить, чтобы на дороге были одни радости, хочется праздничности». Думаю, что ученики увидели главное. «Хотелось везде ухватить кусок радости» — в этих словах из повести — ключ к характеру Альки.

Само стремление это к жизни полной радости, праздничной — нельзя не принять. Но старшеклассники видят и то, «что Алька старается получить от жизни как можно больше себе в угоду, ничего не давая жизни», что «она хочет брать от жизни все, не давая ничего».

Откуда же подобное отношение к жизни? В чем истоки такой психологии? Размышляя над этими вопросами, девятиклассники прежде всего обращаются к образу Пелагеи Амосовой. Тем более что и сама Алька спрашивает себя: «Разве она... не дочь Пелагеи Амосовой?»

Да, «для благополучия собственной семьи не была Пелагея разборчива в выборе средств», «она ловчит, хитрит, заискивает, и людей начинает делить на нужных и ненужных, полезных и неполезных». «От каждого человека искала Пелагея пользы. По степени выгоды, а не по сердцу выбирала себе знакомых». Горек итог жизни ее: «Жутко, больно читать в повести то место, где одинокая овдовевшая Пелагея разбирает сундук и с одеждой и отрезами».

Но все пишут и о другом: «Есть в жизни Пелагеи великий смысл».

«Всю свою жизнь Пелагея работала. Трудно было одной у печи, где даже кирпичи лопались, не выдерживая жара, но каждый день топтала она тропку от дома до пекарни, и не было у нее другой радости: «только в те дни добрела и улыбалась (хотя и на ногах стоять не могла), когда хлеб удавался». Работала Пелагея в пекарне восемнадцать лет, восемнадцать лет «руки выворачивала» и считала свою работу «каторгой, жерновом каменным на шее». А оказалось, что без этой работы «ей и дышать нечем».

«Есть в жизни ее великий смысл и большая цель. Смысл ее жизни в труде, великом, непосильном, каждодневном труде. И его величие заставляет простить Пелагее многое. Недаром после ее смерти осталась межа, по которой Пелагея ходила на работу,— Паладьина межа. Труд — это то, что было для Пелагеи почти святым. Помните, с какой радостью шла она после долгой болезни на свою пекарню, как «думала: стоит только увидеть ей свою пекарню, да подышать хлебным духом — и сразу хворь пройдет, сразу прорежется дыхание». И что окончательно сокрушило ее? Сокрушила ее теперь она, пекарня, то, во что превратила ее Алька. Страшно было Пелагее вдруг понять, что люди стали ко многому равнодушны, а особенно страшно, что стали равнодушны к самому святому, к тому, на чем земля держится, к труду».

Так почему же не унаследовала Алька это материнское

подвижническое отношение к труду, почему, как хорошо написала одна из учениц, не хочет идти в жизни по Паладьиной меже?

«Трудно прожитые годы», «непрерывная борьба, борьба с трудностями, борьба с лишениями», «жизнь страшная, тяжелая, трудная», «изнуряет себя непосильным трудом, домой приходит измотанная до конца» — так пишут старшеклассники о жизни Пелагеи Амосовой и хорошо понимают: потому-то и хочет она, чтобы дочь жила по-другому.

«Пелагея любит свою дочь Альку и старается устроить жизнь дочери лучше, чем она была у нее самой. Хочется Пелагее, чтобы Альке жилось легче, чтобы не знала она горестей».

«Главное в Пелагее — желание матери устроить для дочери жизнь без трудностей, которые довелось пережить ей».

«Уже в юности насмотревшись на тяжелый, безрадостный (как ей казалось) труд матери, вообще на жизнь родителей, прошедшую в вечном труде и заботах, Алька не хочет такой жизни и страшится ее».

Пелагея не хочет, чтобы Алька жила, как она. А разве она не права? И Алька не хочет жить так, как жила мать. А разве она не права?

«Дело вовсе не в километрах, отделяющих «городскую» Альку от «деревенской» матери. Назвали же тропинку, протоптанную Пелагеей, Паладьиной межой, но не осталось в жизни Алевтининой межи. Почему же случилось так, кто виноват в этом? Федор Абрамов в повестях дает несколько неожиданный ответ: виновата в жизни дочери наперекосяк мать. Это не значит, что автор снимает всякую ответственность с Альки, но главную роль в жизни Альки сыграла Пелагея. Пелагея всю жизнь работала, не давала себе ни минуты отдыха. Работала, чтобы «люди плохого не могли сказать», чтобы дочь Алька жила безбедно, не знала нужды. Все для Альки, для нее — вся жизнь. А жизнь — работа. Тяжелая, очень тяжелая. И возникла у Пелагеи мечта о том, что дочь ее должна жить лучше, чем мать. Но ведь в понятии Пелагеи жить лучше — это значит жить легче, да и работа должна быть «чистая, культурная». Пелагея не пустит Альку работать в колхоз: «Моя дочь должна всю жизнь в навозе ковыряться?! Для этого я всю жизнь жилы из себя тянула?» Пелагею можно понять: ведь она — мать, а какая же мать не хочет, чтобы жизнь у ее ребенка была легче, чтобы на долю родного дитяти выпало побольше счастья, чем выпало на материнскую долю. Пелагея всю жизнь «тянула жилы», так чтобы и ее Алька «света белого не видела»? И появились у Альки самые модные платья, самые дорогие туфли, копились в заветном

сундуке отрезы. Лишь бы Алька не испытала нужды, которую испытала ее мать. И Алька считала, что так и надо. И небрежно брошено дорогое яркое платье, потому что Алька не знала цены копейке... Не желая того, Пелагея лишила Альку настоящей радости. Для Пелагеи весь смысл жизни был в работе, она не представляла себе жизни без работы. Она любила свое дело, относилась к хлебу, выпеченному ею, как к чему-то живому, пекла хлеб, как для себя, а не для чужих людей. И люди навсегда остались благодарны Пелагее за эту доброту. А Алька? «Исть захотят — слопают». Потому что это не для себя... Алька по натуре — потребительница».

Если для некоторых девятиклассников рассказ об Альке — это размышление над судьбами деревенской молодежи, уходящей в города, то другие видят широкое типическое содержание образа. «Поведение Альки, отношение ее к окружающим похоже на поведение части молодежи нашего времени». «Алька — это не единичное явление. Такие Альки порой живут рядом с нами, и мы не задумываемся над их судьбами». «Удивляешься, видя в ней и часть себя, и часть своих подруг».

«Алька — дитя своего времени»,— сказал Абрамов в одном из интервью. Как вы понимаете это? — спросил я своих учеников.

«Жизнь Альки тесно связана с ее поколением, поколением послевоенным, знающим войну только по книгам, рассказам, фильмам, поколением, которое не испытало всю горечь, несчастье, ужас войны». «Если Пелагея всю жизнь должна была, надрываясь, работать в пекарне, то Альке уже не довелось испытать того». «Ее детство прошло в мирное время, время достатка». «Для Альки нет таких понятий, как голод, нужда, не испытала она того, что Пелагея».

Это великое завоевание наше, что по-иному могут жить советские люди. Но есть здесь и горькие издержки, которые нельзя не видеть. Размышляя над тем, откуда идут те потребительские тенденции в современной молодежи, которые проявились в Альке, Абрамов писал на страницах «Молодого коммуниста», что «поведение Альки — это реакция на тот аскетизм жизни, которая выпала на долю старшего поколения». Реакция части молодежи, и реакция части старших, которые, как написала девятиклассница, часто рассуждают так: «Если мы в свое время не смогли прожить хорошо, так пусть наши дети живут так, как мы мечтали». В общем, было, дескать, время сеять, теперь же — время жать.

Да, в истории были периоды, когда десятилетия отделяли посев от жатвы. Но как бы ни была обильна жатва посеянного прежде, человек изменяет своему человеческому назначению,

когда видит смысл жизни лишь в том, чтобы жать. Изменяет людям, обществу и изменяет себе.

Алька искала счастья и радости. Но нашла ли она их?

«За внешней развязностью и беззаботностью скрывается неприкаянность».

«Алька постоянно обращает на себя внимание, пытается доказать всем, как далеко она ушла, живя в городе. Но дело в том, что если человек по-настоящему счастлив, доволен своей судьбой, то ему не нужно себя вот так утверждать. Алька пытается убедить всех деревенских, да и себя тоже в своем мнимом счастье и благополучии. А на душе у нее часто отчаяние».

«А когда увидела в доме у своей детской подружки Лидки это счастье, которое пахнуло сосновой стружкой и щепой, что-то перевернулось в ней. Как ни пыталась Алька настроиться на иронический лад по отношению к семейному счастью и успехам своей подруги, внутренний голос подсказывает ей, что это и есть истинное счастье, которого не пришлось испытать ей, Альке».

«Альке очень хочется настоящей, красивой жизни. Она плачет и рыдает, когда видит свою подругу счастливой. Рыдает оттого, что нет у нее, Альки, чего-то настоящего, истинного, желанного, красивого».

Подружка устроила Альку стюардессой. «Два года цветным дождем сыпались на Анисью открытки — голубые, красные, желтые, зеленые, с диковинными нездешними картинками, с короткими Алькиными приветствиями: «Ау, тетка!», «Привет, тетка!», «Хорошо на свете жить, тетка!..» Но читатели не обманываются.

«Хорошо на свете, тетка!..» — такие открытки шлет Алька Анисье. Но хорошо ли ей? Нет, конечно. В этих весточках она просто заглушает тоску по несбывшемуся, она пишет о том, чего хотела бы: да и не к чему плакаться; гордая она, Алька».

«Все ее приветы звучат с каким-то надрывом. Ей хочется, чтобы все знали, что она счастлива, что живет лучше всех, а сама-то она в этом не уверена».

Что ждет Альку? Одни считают, что «Алька найдет свою «пекарню», на которой будет делать счастье не только для себя, но и для других, и может быть, когда-нибудь она станет не менее уважаемой, чем была ее мать», большинство же уверено, что «Алька навсегда останется тем человеком, которому никто не нужен и который никому не нужен», что «никогда у нее не будет ни дома, ни любви, ни счастья».

Так почему же не получилась жизнь по-настоящему радостной и счастливой? Ведь есть же в самой Альке немало хорошего.

«Она хотела, чтобы ее любили, а надо было самой любить».

«Надо уметь любить. А Альке этого не дано. Не было у нее ни настоящей прекрасной, чистой любви, ни любимой работы».

«Трудно и далеко не всегда праведно жила Пелагея. Поэтому в конце жизни и постигло ее разочарование. Но остался после нее памятник — Паладьина межа, а значит, жизнь ее, труд не пропали даром, оставили след на земле. Альке оставлять после себя нечего. И либо она с течением времени переменится, поймет, что в жизни нужно не только брать, но и давать, либо в будущем ее ждут безрадостные дни. Чем больше человек отдает свои силы, знания, труд другим людям, тем полнее, богаче духовно его жизнь».

Здесь сказано о самом главном. «Неужели же испечь хороший хлеб — это и есть самая большая человеческая радость?» — спрашивает себя Алька. Самая большая человеческая радость, отвечает нам писатель, невозможна без радости самоотдачи.

«Для души твердого берега ищут», — говорит тетка Анисья об односельчанах, которые подались к староверам. А потом одна из этих староверок скажет: «Нельзя, нельзя человеку без живой воды... Вот и ищут ее люди, кто где может. По всему свету шарят... Мы не принимаем тот «твердый берег» и ту «живую воду», которую предлагают вера, религия. Но что нельзя человеку без твердого берега и без живой воды — это для нас несомненно. И характерно, что слова эти часто цитируют ученики в своих сочинениях. «Для души твердого берега ищут» — так и озаглавил один из девятиклассников свое сочинение. А другая ученица, поставив эпиграфом к сочинению слова «Нельзя человеку без живой воды», начинает его так:

«Живая вода... Живая вода жизни. Что это? Может быть, это деньги, выгодное место? А может быть, это любовь, счастливая семейная жизнь, материнство? А может быть, и то, и другое, вместе взятое? Сколько лет существует человек, столько ищут люди живую воду жизни, ищут настойчиво и неустанно смысл ее — живую воду».

Об этом писали и другие девятиклассники.

«Трудная жизнь. Трудные проблемы. Что такое счастье? Что такое главное настоящее счастье? Как найти его, это настоящее счастье? Трудные вопросы. Трудно дать на них ответы, точнее, совсем нельзя полностью дать ответ на них для каждого: эти вопросы надо разрешать самостоятельно. Но, читая Абрамова, видишь перед глазами плачущую Альку и слышишь ее вопросы, на которые нельзя ответить: «Пошто меня никто не любит?» и понимаешь, что надо строить свое счастье не так, как Алька... А ее, эту золотоволосую красавицу с зелеными глазами, просто

жаль и хочется чем-то помочь ей».

«Повести Федора Абрамова волнуют потому, что жизнь людей, показанных в книге, — это наша жизнь, и от проблем, которые она ставит, никуда не уйти».

И, заканчивая урок, я читаю в классе страстные слова писателя, произнесенные на VI съезде писателей СССР:

...большой разговор в литературе о людях старого и старшего поколений — это стремление осмыслить и удержать их духовный опыт, тот нравственный потенциал, те нравственные силы, которые не дали пропасть России в годы самых тяжелых испытаний.

Да, темные и малограмотные, да, наивные и чересчур доверчивые, да, порой граждански невоспитанные, но какие душевные россыпи, какой душевный свет! Бесконечная самоотверженность, обостренная русская совесть и чувство долга, способность к самоограничению и состраданию, любовь к труду, к земле и ко всему живому — да всего не перечислишь. К сожалению, современный молодой человек, взращенный в иных, более благоприятных, а порой просто тепличных условиях, не всегда наследует эти жизненно важные качества.

Нет, нет, я не хочу бросить тень на нашу молодежь. За нее говорят ее дела: целина, гиганты-новостройки, БАМ. И все-таки, все-таки... разве не встречаемся мы в ее среде с возросшим эгоцентризмом и индивидуализмом, с иждивенческими и потребительскими настроениями, с утратой бережного и любовного отношения к земле, к природе, с холодным рационализмом?

И одна из главнейших задач современной литературы — предостеречь молодежь от опасности душевного очерствения, помочь ей усвоить и обогатить духовный багаж, накопленный предшествующими поколениями. И это вопрос не узкоморалистический, не отвлеченный. Это вопрос вопросов всего нашего бытия»[11]

Предостеречь молодежь от опасности душевного очерствения, помочь ей обогатить свой духовный мир, разве это не общая задача всех нас, родителей и школы прежде всего?

В ПОИСКАХ РАДОСТИ

Дорожи счастьем бытия. Это счастье постижимо только человеком, доступно только людям... Для того, чтобы по-настоящему дорожить счастьем бытия, требуется высокая, тонкая, всесторонняя воспитанность души — интеллекта, сердца, воли. Я говорю это без преувеличения: в обществе, снявшем с человека все цепи экономического порабощения, воспитание способности дорожить счастьем бытия становится одной из самых важных нравственных проблем.

В. А. Сухомлинский

1

В девятом классе изучается поэма Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». В десятом — поэма Маяковского «Хорошо!», поэма, утверждающая: «И жизнь хороша, и жить хорошо!» Но что значит — жить хорошо? Какой смысл сегодня мы вкладываем в это понятие? Перед изучением поэмы Некрасова я и предложил сочинение «Что значит жить хорошо?».

О чем же писали девятиклассники?

Относительно немного (все — но немного) писали они о достатке материальном. И вовсе не потому, что недооценивают значение его в жизни или просто считают не очень удобно распространяться о благах материальных. Просто для них все это нечто само собой разумеющееся. Ну, конечно (с этим «конечно» встречаешься почти во всех сочинениях), каждая семья должна иметь отдельную и благоустроенную квартиру, ну, конечно, люди должны жить обеспеченно. То, что еще вчера для многих было желанным, мечтою, для них самоочевидное.

Конечно, о благах материальных пишут мало и потому, что подавляющему большинству писавших они достаются очень и

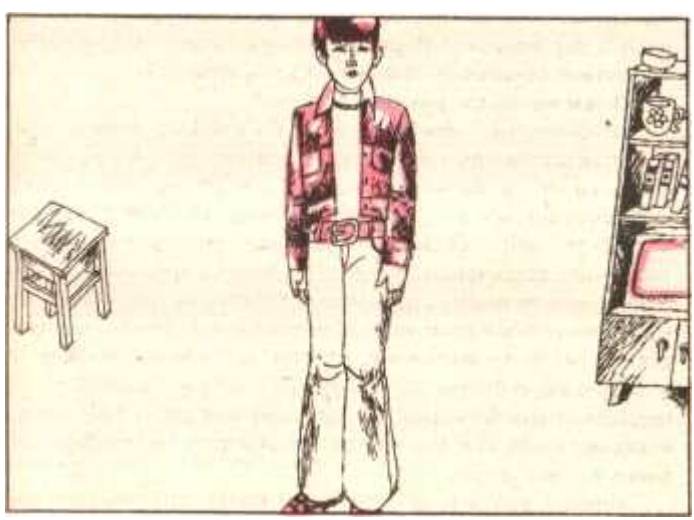
очень легко, даже в том случае, когда родителям их достаются очень и очень трудно.

Хорошо все это или плохо? С одной стороны, конечно, хорошо, если с детства не приходится думать о многом из того, о чем думали и думают родители. И вместе с тем не может не беспокоить, когда перестают ценить то, что стоило огромных усилий обществу в целом и немалого напряжения многим из семей.

При этом некоторые десятиклассники пишут, что сегодня вообще все семьи не знают никаких материальных проблем. Другие понимают, что это не так: «Достаток. Материальное благополучие. Пока не везде, не всегда, не у всех, не полностью. Но не за горами то время, когда будет везде и у всех». Но и для тех, и для других материальное благополучие, достаток — не предмет дискуссий и обсуждений: это нечто исходное, это аксиома.

Жизненные блага, вещи в том числе, не отвергаются.

«Обычно обилие вещей, любовь, например, к «тряпкам» (так пренебрежительно и говорят всегда) считается признаком мещанства. По-моему, это весьма дикий взгляд. Я не становлюсь глупее, хуже и безнравственнее оттого, что люблю красиво одеваться. Важно не количество вещей, а отношение к ним. Вопрос о том, я для вещей или они для меня. Если второе — мне не страшен никакой вещный мир».



И вместе с тем в сочинениях ясное и твердое понимание: достаток, говоря языком математики, условие необходимое, но недостаточное для хорошей жизни. «Можно ли сказать, что человек, у которого есть машина, живет лучше, чем тот, у кого ее

нет?» «Имея все, человек может жить плохо и быть несчастным». «Даже если у всех людей будут прекрасные квартиры, хорошее материальное положение, то вряд ли можно будет тогда сказать: «Все живут хорошо». Подобные высказывания во многих работах девятиклассников.

«Сейчас многие думают, что если семья полностью обеспечена, то, значит, она и живет хорошо. А вот посмотрите на некоторые семьи: все у них есть, а нет самого главного. Чего? Жизни хорошей, не ладится она. Почему? Нет согласия в семье. По-моему, в наше время жить хорошо — значит быть не только полностью обеспеченным, но и иметь счастье в семье. Не будет, никогда не будет у тебя хорошей жизни, если дома все вверх дном».

«Вот сейчас часто приходится слышать от взрослых: «Боже мой! Как вы сейчас живете хорошо, счастливо (имеют в виду современную молодежь), разве мы так жили? У нас не было ничего, а у вас-то и телевизоры, и магнитофоны, и мотоциклы — чего только нет». А разве в этом заключается «жить хорошо»?

Хорошо жить для авторов сочинений — это прежде всего иметь возможность реализовать свои человеческие возможности. Вот почему преобладает в сочинениях мысль о радости работы, счастье труда. Подчеркиваю — радости, счастье.

«Все хотят жить хорошо, а удается немногим. В этом есть своя закономерность. Я думаю, что люди ошибаются где-то, и все мечты, все планы идут под откос. И думаю, что трагедия начинается с неправильного выбора профессии. Человек, начиная работать не по душе, не живет, а существует. Работа отпадает, остается только дом. Но все взаимосвязано, и неудачи на работе озлобляют человека, не дают правильно выбрать подругу жизни. Выбрал неправильно — дома тоже нет».

Может быть, это сказано чересчур прямолинейно. Но нельзя не согласиться с пониманием того, что отношение к труду определяет самочувствие человека не только на работе, но и в жизни вообще. Ведь действительно удовлетворенность работой или неудовлетворенность работой оказывает сильное влияние на отношение человека к миру вообще, к себе.

«Труд должен приносить человеку прежде всего радость. Человек должен трудиться, сознавая, что его труд необходим, и заниматься той профессией, в которую он может вложить душу».

«Необходимо найти такое дело, в котором ты никогда не разочаруешься, которое станет частью тебя, источником твоих радостей, а не только заработка».

«Я мечтала быть детским врачом и приносить детям радость выздоровления. Я мечтаю быть историком и приносить пользу

людям, открывать им прошлое, а может быть, будущее. Я думаю, что если бы каждый человек работал или занимался тем, что его радует, волнует, воодушевляет, то все люди были бы счастливы и жили бы хорошо».

«Получать радость от своей работы и не делать ее из-под палки», «делать то, что тебе по душе, в чем находишь удовлетворение», «жить хорошо — это заниматься любимым делом, отдавая ему все свои силы» — этот мотив проходит через все размышления о труде, работе, профессии.

За этим отношением к труду стоит отношение к жизни вообще, которая воспринимается как радостный дар. «Жизнь должна быть полной», «жить хорошо — жить полнокровной жизнью» — только так, другой жизни они не хотят.

Эта жажда бытия, ощущение жизни как радостного праздника порой тревожит старших, настораживает, иной раз даже пугает. Кто не слышал осуждающее: «Больно много они хотят».

Герои книг, о которых мы говорим в школе, будь то Рахметов или Гриша Добросклонов, Павел Власов или Павел Корчагин, во имя борьбы, во имя идеи отказались от многих радостей бытия. «Сознательно мирские наслажденья ты отвергал». Эти строки Некрасова можно отнести ко многим героям русской и советской литературы.

Сегодня наш идеал счастья, как мы уже говорили, чужд идеалу жертвенного аскетизма и самоограничения, он предполагает гармоническое развитие всего богатства человеческой личности.

«В соответствии с коммунистическим идеалом «Свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех, — читаем мы в Конституции СССР, — государство ставит своей целью расширение реальных возможностей для применения гражданами своих творческих сил, способностей и дарований, для всестороннего развития личности».

Низменным идеалам буржуазного мира — проповеди преуспевания, счастья комфорта, мещанской сытости — мы противопоставляем высокие духовные идеалы гражданственности, человеческого благородства, самоотверженного труда. Но, провозглашая идеалы высокой сознательности, гражданского служения родине, человеческой самоотверженности, мы вовсе не зовем к жертвенному самоотречению от жизненных благ, от полноты бытия, от человеческих радостей, от личного счастья.

Удовлетворение все растущих материальных и духовных потребностей советского человека партия считает своей важнейшей задачей. Интересы отдельного человека, потребности

личности, стремления индивидуума — все это не только не чуждо интересам общества, но стоит в центре общественных интересов.

В чем видит человек радость бытия, каковы его потребности и стремления — вот сердцевина проблемы.

Мы утверждаем бесценность отдельной человеческой личности, право человека жить для своего счастья, для себя. Но само это — для себя — понимается нами не узкокамерно, а широко, многогранно.

Индивидуалист убежден, что общество, предъявляя к человеку свои требования, обуздывает личность, ограничивает ее, не дает ей раскрыться и развернуться во всей полноте стремлений и желаний. На самом деле происходит как раз наоборот. Стремление разорвать общественные связи, отречься от долга гражданина и патриота, освободиться от требований века неизбежно ведет к обеднению человека, оскудению души.

Служение обществу, выполнение гражданского долга не обедняет личность, не ограничивает ее, а становится необходимым условием ее истинного богатства. Чем шире и глубже социальные связи человека с людьми, обществом, родиной, тем всестороннее может раскрыть и реализовать он свои возможности, тем многограннее развивается он как личность.

«Человек достоин того, чтобы жить роскошно, нам чужда аскетическая ограниченность, — писал выдающийся советский педагог В. А. Сухомлинский. — Жизнь потеряла бы для нас всякий смысл, если бы мы не были в определенном смысле и корыстолюбивыми. Но наше корыстолюбие лишь тогда нравственно оправдывается, когда оно является добыванием духовных богатств для того, чтобы стать красивее, роскошнее и в конечном счете щедрее». В другом месте Сухомлинский говорил о том, что «ребенок не может жить без переживания радости, без надежды на радость, без веры в радость, без представления о радости». Но, добавлял он тут же, «речь идет не о той радости, которую переживает маленький человек, когда удовлетворяют все его желания: что захотелось — то и бери... Речь идет о той радости, которая расцветает в жизни, в нашем поведении из человечности, сердечности, бережливости, заботы о живом и красивом».

Так что вовсе не нужно тревожиться, настораживаться, пугаться, когда в детях, подростках, юности видим мы страстное стремление к жизни яркой, праздничной, радостной. Восприятие бытия как радости нормально и естественно. Вся суть в том, насколько полно и очеловечено это восприятие.

Семьдесят лет назад М. Горький писал: «Все более и все чаще в человеке борются два взаимно друг друга отрицающие

стремления: стремление быть лучше и стремление лучше жить. Объединить эти два призыва в стройное одно — невозможно при существующей путанице жизни»[12]. Сегодня мы можем и должны эти в течение столетий разорванные начала соединить воедино. Как жить, кем быть, каким быть, как все это неразрывно связано и что именно каким быть — главное, определяющее человеческую жизнь — это понимают некоторые ученики.

«Жить хорошо и быть настоящим человеком — эти слова для меня одинаковы по смыслу».

«Как может принести удовлетворение то, чего ты добился или добиваешься нечестным путем, идя на компромиссы с совестью».

«Не обязательно жизнь человека должна быть геройской, но она должна быть честной».

«Жить хорошо — это жить честно, быть настоящим человеком».

«Пусть ты не оставишь о себе памяти в истории, пусть твоя жизнь пройдет тихо и незаметно, но она должна быть прожита честно и прямо».

«Талант человечности. Как нам не хватает именно этого таланта, самого великого и самого дорогого из всех талантов на свете. Уметь понимать чужие радости, чужое горе. Чтобы чужое стало своим, свое — чужим».

«Люди не властны над многим. Нельзя обвинять человека, у которого нет хорошей крепкой семьи, красивой квартиры, любимых детей. Это в конце концов от людей иногда не зависит. Но над своими чувствами человек должен властвовать! Нравственная распущенность — грех, расплата за который ужасна, а ответственность ни на кого переложить нельзя».

И все же в сочинениях, мною прочитанных, требования к жизни (точнее сказать, ожидание от жизни) преобладают над требованиями к себе.

И это не может не беспокоить.

Тем более не может не волновать, когда среди юных встречаешься с желанием урвать побольше, а дать поменьше, с эгоистическим равнодушием к людям, с бессердечностью, с цинизмом. Я слышал на уроке, читал в сочинениях не только такие размышления: «Как может принести удовлетворение то, чего ты добился или добиваешься нечестным путем, идя на компромиссы с совестью». Слышал, читал иное. Скажем, такое: «Сейчас главное — наращивать шкуру, чего добились в жизни мои тонкокожие родители?» Или вот такое: «Совесть — атавизм. В борьбе за существование люди, отягощенные совестью, не выдерживают нервных перегрузок и вымирают».

Как видим, речь должна идти не об обуздании желаний,

стремлений, потребностей, а о воспитании подлинно человеческой полноты их. «Забота о повышении жизненного уровня народа,— говорил Л. И. Брежнев на XVIII съезде комсомола, — это центральное направление внутренней политики партии. При этом мы имеем в виду и рост материального, и рост культурного уровня жизни людей. Одно нельзя отрывать от другого.

Мы отвергаем как проповедь бедности и аскетизма, так и культ потребления, психологию мещанина, для которого копейка, по меткому выражению Горького, есть солнце в небесах. Материальные блага для нас не самоцель, а предпосылка всестороннего развития личности. Поэтому важно, чтобы подъем благосостояния сопровождался обогащением внутреннего мира людей, формированием правильного понимания цели и смысла жизни».

2

Закончив изучение романа И. С. Тургенева «Отцы и дети», я предложил девятиклассникам сочинение на тему: «Отцы и дети сегодня». Что в жизненном опыте, образе мыслей, укладе жизни, быте и вкусах старшего поколения вам близко и что вы не принимаете? Хотели ли бы вы прожить жизнь так, как прожили ее отцы? Всегда ли понимают отцы детей и дети — отцов? Что способствует их взаимопониманию и что мешает?— так определили мы круг вопросов, которые желательно было бы осветить в этом сочинении. Сейчас мы обратимся лишь к некоторым из них.

Что притягивает сегодняшних старшеклассников в жизненном опыте старшего поколения?

«Я завидую отцам: какой яркой, интересной, кипучей была их молодость, сколько испытаний выпало на их долю, а ведь испытания — это проверка самого себя».

«Выстраданная жизнь наших отцов, прошедшая через ошибки, разочарования, взлеты, сохранила при всем том правдивость и чистоту».

«В наши годы они были намного старше нас, несмотря на то, что сейчас очень много говорят и пишут о нашей акселерации».

«Я часто им завидую белой завистью, их мужеству, стойкости, выносливости. Для меня святы герои войны. Идти на смерть... Как это страшно. Вот ты живешь, дышишь, чувствуешь, и через мгновение тебя нет, ты превратишься в ничто».

«Люди, прошедшие войну, пережившие тысячу горестей и тысячу радостей, — это наши отцы. Они многое знают, многое видели, многое умеют».

«Наши отцы прошли нелегкую, порой жестокую, но все же насыщенную и интересную жизнь. Хотел бы я прожить такую жизнь, какую, к примеру, прожил мой отец? В семнадцать лет ушел добровольцем на фронт, ранение, увечье на всю жизнь. Что в ней хорошего, в этой жизни? Все-таки, наверное, хотел бы прожить. В жизни отца была та реальная возможность утвердить себя, почувствовать себя ответственным за судьбы многих людей. В ней был тот огонь, который утратила наша жизнь — меня, моих товарищей».

«Вот уже тридцать лет моя мама лечит людей. С того времени, как я начала помнить себя, я видела ее за работой. Домой она приходила усталая, но одухотворенная. Облегчить страдания людей, особенно маленьких детей. Сколько добра она принесла людям, как радовалась, когда спасла от смерти семилетнюю девочку».

Что не принимают они, современные юные, в мире взрослых?

«Взрослые потонули в житейских заботах и смотрят на мир с практической точки зрения».

«Старшее поколение всегда ищет в жизни ее практическую сторону, а на романтику смотрит, как на игрушку, в которую оно тоже играло в молодости, как и молодое поколение».

«Я старалась во всем быть честной и справедливой. Но взрослые вваливались в детский мир неуклюжими медведями, ломая и круша все на своем пути. Они старались вдолбить свое понимание «хорошего» и «плохого»: «Избегай хулиганов, не водись с двоечниками, не лезь всюду — тебе же и попадет, не переживай из-за пустяков». А кто же будет за все отвечать?»

«Я часто слышу такие слова: «Он — человек с положением!» А что же будет, если мы будем смотреть не на человека, а на место, которое он занимает. Это, наверное, связано с тяжелой жизнью, которую прожили отцы. Может быть, это идет оттого, что отцы желают нам хорошей жизни. И все-таки высказывания такие не понимаю. Я думаю, что на человека нужно смотреть с человеческой точки зрения. Ведь человека не заменит никакое положение».

«Перебродило», отволновалось старшее поколение, осело на одном месте, взялось за строительство семей. И тут на свет появились мы. Естественно, мы должны прожить свою жизнь не так. Не скитаться, не искать, следовать с детства запрограммированным путем. Так хочется везде побывать, все попробовать, а тебе говорят: «Чего? Свой путь в жизни?! Не майся

дурью. Жизнь — сложная штука, и подходить к ней надо во всеоружии, а то так крутонет, что... И не дури, иди по приготовленному, расчищенному, посыпанному песочком (чтобы не упасть) пути. То, что мы от жизни не взяли, хоть ты возьми».

Здесь нет противоречия. Потому, что в мире взрослых сегодняшние дети действительно встречаются и с высокой одухотворенностью, и с проявлениями бездуховного практицизма, холодной расчетливости. Потому что, равняясь на отцов и споря с ними, дети, судя по процитированным мною сочинениям, хотят взять у них все лучшее и не принимают то, что на самом деле в жизни взрослых является далеко не лучшим. Потому, что в приятии и неприятии они исходят из единых высоких нравственно-максималистских требований.

Но и те, кто с восхищением смотрит на отцов, и те, кому кажется, что отцы утратили романтическое мироощущение, оказываются едины в одном: они не принимают тех методов, которыми отцы слишком часто, с точки зрения детей, пытаются передать выстраданный ими жизненный опыт своим наследникам.

«Удивительно отчаянное стремление старших, которые в силу своего возраста должны быть людьми житейски очень неглупыми, насильственным путем вдолбить детям свой образ мыслей».

«В нашем возрасте идет осмысление жизни. Мы отказываемся принимать на веру, что хорошо, что плохо, что правильно, что неверно. Если говорят: «Это хорошо», мы не успокаиваемся до тех пор, пока не посмотрим, хорошо ли это. И если то, что делают родители, кажется правильным, мы тоже так делаем. Если же нет — мы делаем иначе. Странно и дико было бы обижаться на это. Если вы не согласны с нашими мнениями — попробуйте доказать, что вы правы».

При этом порой им кажется, что вообще невозможно в своей жизни опираться на опыт жизни чужой.

«Опыт отцов не может вызвать недоверия. Прожитые годы не могли остаться бесследно. Но недаром опыт называется личным, ведь его приобретают во время личных контактов с жизнью, при каких-то неповторимых обстоятельствах. Использовать чужой опыт при решении личных проблем сродни попытке натянуть слишком тесную перчатку. Личный опыт индивидуален в той же степени, что и каждая человеческая личность. Нельзя путать его с опытом в работе, суть которого заключается в приобретении определенных трудовых навыков. Передача опыта здесь не только возможна, но и необходима. Но жизненный личный опыт можно приобрести лишь самому».

Конечно, сказано это, как и многое другое, что приведено

здесь, с излишней запальчивостью. Но, читая сочинения девятиклассников, убеждаешься: тут дело вовсе не в том, что не принимается опыт отцов, здесь резкое неприятие стремления навязать этот опыт, подменяя им личный опыт жизни растущего поколения, а не направляя и организуя его.

А с этим связано и другое.

«В жизни родителей было много трудного. Сами они должны были пробивать себе нелегкую дорогу жизни. Но вместе с тем разве не это было их жизненным воспитанием, не это заставляло их «бороться и искать, найти и не сдаваться»? По-моему, только и сладок тот хлеб, в котором есть привкус горечи. Когда человек прошел через горе и невзгоды, тем радостнее ему сознание собственных побед, тем удовлетворенней он себя чувствует. Сейчас же родители берут на себя даже ту небольшую часть обязанностей, которые лежат на нас. Да мы и сами стремимся очень часто освободиться от них. Родители жалеют нас, стараются дать нам то, чего не имели сами, и вместе с тем лишают нас возможности испробовать настоящий вкус жизни. Своей чрезмерной опекой они лишают нас возможности радоваться жизни и создают условия лишь для прозябания».

«Наши родители прожили тяжелую жизнь. Война, послевоенные годы, карточки, сиротство. Но жили они интересно, а главное — дружно. Конечно же, им не хотелось, чтобы у их детей было такое же детство. Вот и стремятся они своим детям давать все, что могут, а дети — почему бы не взять, берут охотно. Все внимание, вся любовь детям, которым надо счастья, которых надо от несчастья уберечь. И дети в той или иной мере эгоистичны, потому что привыкли отовсюду брать, ведь дают же».

«Я не понимаю, почему родители иногда нас чересчур ограничивают. Ведь именно сейчас мы должны учиться самостоятельно принимать какое-нибудь решение и уметь отвечать за свои поступки. А родители оберегают нас. Вряд ли это правильно. Хочу заметить, однако, что я говорю о разумной самостоятельности, а не такой — делай, что хочешь».

«И никак не поймет поколение старших поколение младших в одном: все у нас есть; всем обеспечены, сыты, обуты, одеты, книжки читаем, телевизор смотрим, а все чего-то еще хотим. Да, хотим. Жизнь свою прожить так, как сердце велит: самим».

«Иногда сделаешь что-нибудь, не подумав, или скажешь глупость, а родители говорят: «Взрослый мужик, а ведет себя... и т. д. и т. п. Или когда чего-нибудь нельзя, они говорят: «Мал еще». Между этими двумя фразами есть какой-то не полноценный промежуток, и в этом промежутке нахожусь я».

Разве в главном, в основном не правы авторы этих

размышлений?

И все-таки и в этих сочинениях, как и в сочинениях на тему «Что значит жить хорошо», требования к жизни, родителям, взрослым преобладают над требованиями к себе. Проявляется это в разном.

Во многих сочинениях прочел я о горечи непонимания. Ограничусь сейчас выпиской лишь из одной работы, где сказано об этом искренне, страстно и убеждающе.

«Пожалуй, у каждой девочки есть такие моменты, когда она приходит к маме. Это бывает или когда поссоришься с дорогим человеком, или когда просто плохо. Обычно меня не понимают. Начинают как-то неправильно утешать, говорить, что все ерунда, что все пройдет, что все увлечения сейчас мимолетны, что настоящая любовь впереди, что сейчас все легко и просто. Точно не знаю, но думаю, что в таких случаях многим стало бы легче, если бы им сказали не это, а, наоборот, что все действительно очень тяжело или плохо, или если бы с ними просто помолчали. Может быть, огромная разница между взрослыми и детьми состоит в том, что взрослые смотрят на все с позиции людей, для которых все уже пережито, для которых все то, что переживаем мы сейчас, — одно воспоминание. Они помнят все, что они переживали, но как они это переживали, не помнят. Им сейчас кажется, что самое серьезное и сильное, что может быть в жизни, происходит именно сейчас, а в пятнадцать лет все было легко и просто. Может быть, действительно, по сравнению с тем, что переживают сейчас они, все мои переживания слишком ничтожны, но для меня-то это тяжело, ведь я на большее просто не способна, я еще не знаю, что такое большее. Я их очень люблю, папу и маму. Только мне очень больно, когда меня так не понимают. Они знают, что я им не расскажу о себе ничего серьезного, что на все я буду отшучиваться. А мне сейчас кажется, что то, что я сейчас сказала, никому из взрослых не понять, потому что и это может показаться слишком мелким и пустым. Но для меня все это важнее всего, я не знаю, как сделать так, чтобы не было этой стены между мной и родителями».

Повторяю: мне пришлось прочесть много вот таких признаний («Больно и горько, когда отцы и дети, говорящие на одном языке, говорят на разных»). Не хочу снимать вины со старших. Ответственность за такое непонимание прежде всего лишь на них. Но не только. Однако всего лишь несколько человек из трех классов сказали о том, что взаимное непонимание зависит не только от отцов, но и от детей.

«Хочу, чтобы у нас с вашими теперешними отцами было много общего, дорогого. Все это в наших силах. Надо только,

чтобы все друг друга понимали. Иначе говоря, нам всем не хватает душевной чуткости, душевной деликатности, уважения к личности, умения понять ее. А без этого трудно жить на свете».

— «Последнее время мы с папой стали говорить на разных языках. Как-то я откровенно спросила его по старой памяти: «Почему мы с тобой не понимаем друг друга, почему с каждым днем становимся все более чужими?» Он ответил сразу, видимо, думал об этом раньше: «Наверное, я старею и начинаю забывать себя в твоем возрасте». Однако же, по-моему, это не является единственной причиной нашего непонимания. Тут дело не только в родителях, но и во мне. Где-то и я не понимаю родителей, не пытаюсь поставить себя на их место».

«В том, что дети не понимают отцов, а отцы не понимают детей, по-моему, виноваты дети. Мы так часто заставляем их волноваться за нас, ссориться из-за нас, мы сами иногда навязываем им несчастья и беды».

«И еще одно: скупость чувств. Мы, «дети», очень не щедры на выражение своих чувств. Нет, слова, конечно, стоят мало, но дело даже не в словах. Мы стесняемся иной раз сказать что-то ласковое матери, успокоить дедушек и бабушек, вечно волнующихся за нас больше нас самих; сказать слово благодарности учителю, товарищу. Держим все это при себе, то ли боимся потерять уважение окружающих, то ли показаться чересчур сентиментальными. Даже там, где надо, — молчим, или, что еще хуже, маскируем свои чувства за грубостью, беспечностью, наигранным равнодушием. Зачем? Да и сами не знаем. А потом понимаешь вдруг все это, хочешь высказать, а уже поздно... Оказывается, пустые, красивые фразы и истинное выражение чувств — не одно и то же. И это, видимо, надо вовремя понять».

Как я уже говорил, среди тех вопросов, над которыми было предложено подумать, был и такой: «Хотел бы ты прожить свою жизнь так, как прожили ее отцы?» Вот характерные ответы. Преобладала в основном одна точка зрения.

«Хотя я отношусь к отцам положительно, по правде говоря, даже завидую их задору, целеустремленности, одержимости, а главное, их доброте, чуткости, искренности их отношений, чего в наши дни надо бы побольше, я все-таки не хотела бы прожить жизнь старшего поколения, наверное, потому, что каждое поколение стремится оставить свой след в истории, показать себя со стороны, отличающей его от других поколений».

«Хотел бы я прожить свою жизнь так, как прожили ее отцы? Не знаю. Наверное, нет. Хочется чего-то своего. Нового. Хочется самим справляться со своими трудностями».

«Пожалуй, я хотела бы прожить жизнь так, как они, но

только, чтобы обязательно было что-нибудь новое, чего не было в жизни старшего поколения».

«По моему, человек должен прожить свою, собственную жизнь. Жизнь, которую он построил собственными руками».

«Мы учимся на их жизни и опыте, учимся и достигнем большего. Но копировать чью-то жизнь невозможно, у каждого она своя. А мы хотим чего-то большего достичь, прийти к еще высшим стремлениям и высотам, к которым не дошли наши отцы. А не много ли мы хотим? Нет! Наши дети захотят еще большего».

В размышлениях этих уважение к опыту старших, ощущение своей кровной связи с ними: «Ведь наши взгляды на такие святыни, как честь, любовь, дружба, долг, такие же, как у них». «Взгляды на труд, на справедливость, добросовестность в труде и жизни не изменились». «По-моему, во взаимоотношениях отцов и детей сегодня гораздо больше взаимопонимания и уважения, чем споров и разногласий. И нет таких принципиальных расхождений, которые могли бы породить серьезные конфликты между ними». И вместе с тем страстное желание не просто скопировать жизнь отцов, а, впитывая в себя опыт их жизни, равняясь на лучшее в этой жизни, строить свою — такую и не такую, похожую и не похожую.

Важно при этом, чтобы эта своя, в чем-то не такая и не похожая, вобрала в себя опыт духовных исканий предшествующих поколений. Тот опыт, те искания, которые несут книги классиков и лучшие книги современной литературы.

ДУША И ЛИРА
(Вместо заключения)

На уроках литературы в десятом классе мы говорили о рассказах Василия Шукшина. И среди них — о рассказе «Срезал», о котором я предложил тут же в классе написать небольшое сочинение.

Для героя этого рассказа Глеба Капустина нет выше радости, чем срезать знатного человека, приехавшего на побывку в родную деревню, «по носу щелкнуть». В своих сочинениях десятиклассники обратили внимание на то, как Шукшин изображает Глеба, когда он спорит: «коршуном взмыл», «подбирался к прыжку», «пошел в атаку», «бросил перчатку». Истина Глеба не интересует — главное срезать. И даже те мужики, которые, как на спектакль, ходили смотреть, как Глеб срежет знатного, и которые как будто бы даже сочувствовали ему, больше того — восхищались им, Глеба не любили: «Глеб жесток, а жестокость никто, никогда, нигде не любил еще».

Но рассказ Шукшина не только, да и не столько об этом. И чтобы лучше это понять, обратимся сейчас к другому шукшинскому рассказу — «Крепкий мужик». Бригадир Шурыгин тремя тракторами (посулив трактористам по бутылке) зацепил церковку, которая оживляла деревню, «собирала ее вокруг себя, далеко выставляла напоказ», и стал рушить ее на кирпич, чтобы на свинарник с завода не возить.

«Прибежал учитель, молодой еще человек, уважаемый в деревне.

— Немедленно прекратите! Чье это распоряжение? Это семнадцатый век!..

— Не суйтесь не в свое дело, — сказал Шурыгин.

— Это мое дело! Это народное дело!.. — Учитель волновался, поэтому не мог найти сильные, убедительные слова, только покраснел и кричал. — Вы не имеете права! Ее враги не тронули!.. Варвар! Я буду писать!..

А когда моторы взревели и тросы натянулись, учитель забежал с той стороны церкви, куда она должна была упасть, стал под стеной. Но сделать ничего не смог — через три часа церковь лежала бесформенной грудой, прахом.

Варвару Шурыгину в этом рассказе противостоит учитель, защищающий культуру. В рассказе «Срезал» ситуация сложнее. Глеб так же жесток, бездушен и агрессивен, как Шурыгин. Но он... за культуру, с культурой. «Поток информации сейчас

распространяется везде равномерно», вот он и спрашивает: Как сейчас философия определяет понятие невесомости? «Растерянности не наблюдается среди философов?» Что, Луна — тоже дело рук разума?

«Глеб Капустин, толстогубый, белобрысый мужик лет сорока, деревенский краснобай, начитанный и ехидный». В последних словах несколько человек из класса увидели зерно образа Глеба Капустина.

«Само слово «начитанный» выражает хорошее качество, но в соседстве со словом «ехидный» это значение меняется в противоположную сторону».

«Начитанный и ехидный». В этих двух словах — суть Глеба Капустина. Да, внешне Глеб Капустин ничем не отличается от самого обыкновенного хама, ворчащего на улице, в подворотне, в троллейбусе: «Ученый! Еще очки надел!» А вот слова Глеба: «Мы все учились понемногу» (он и Пушкина, оказывается, знает), «Марку надо поддержать». Похоже, ох, как похоже на приводимое выше изречение.

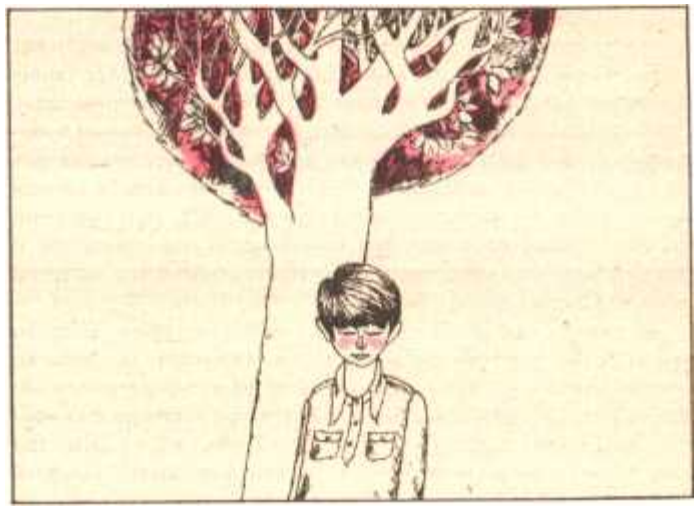
Похоже, да не совсем».

Потом посмотрели в словари. У Даля: ехидный — злой, злорадный человек, злой, злобный и лукавый; ехидствовать — злобствовать, желать и творить зло. У Ушакова: ехидный — коварный, хитрый, злой. В академическом словаре русского языка: ехидный — злой, хитрый, язвительный; ехидствовать — поступать подло, злорадствовать.

Дело не только, даже не столько в том, что начитанность Глеба обрывочна, поверхностна, главное другое — чему служит эта начитанность, для чего она. Глеб жесток. Но он с Пушкиным, с тем Пушкиным, который пробуждал «чувства добрые» и в свой «жестокий век восславил свободу и милость к падшим призывал».

Дело не в том, что Глеб недостаточно культурен, малокультурен, поверхностно образован. Тут суть в том, что называют полукультурой (а это понятие не количественное, а качественное) — культурой неодухотворенной, лишенной главного, гуманистического смысла, нравственного содержания.

Явление это достаточно распространено и многолико. Не нужно думать, что выражается оно лишь в том дремучем виде, о котором поведал Шукшин. Шукшин схватил суть многоликого явления. Но формы его многообразны. Полукультура может быть и вполне грамотной, и современно образованной, и даже высокодипломированной.



Ученица десятого класса попросила меня остаться после уроков: ей нужно поговорить со мной. И вот я слушаю ее:

— Вы неправильно преподаете литературу.

— ?

— Вы все время стараетесь, чтобы мы что-то почувствовали, самостоятельно работали, сопоставляли, анализировали. А это сейчас никому не нужно. Нужно же, чтобы вы подробно сказали нам, как отвечать по каждому билету, и потренировали на возможные темы экзаменационных сочинений.

Я сказал, что Пушкин, Достоевский, Толстой, Блок писали для того, чтобы передать читателю свои мысли, чувства, и главная задача учителя литературы — донести до своих учеников тревоги и надежды, сомнения и веру русских писателей. Сказал, что иначе преподавать литературу не могу и не буду.

— Вам хорошо так рассуждать, — услышал я в ответ. — Вы остаетесь в школе, а нам входить в жизнь, сдавать экзамены в школе и институте.

За 26 лет работы в школе мне впервые пришлось вести вот такой разговор. Но мысли, в нем услышанные, не были для меня неожиданностью: я часто встречаюсь с ними в последние годы.

Вот прошел урок внеклассного чтения, посвященный повестям Федора Абрамова «Пелагея» и «Алька». Прошел, как мне показалось, живо, интересно. Судьба Пелагеи, судьба дочери ее Альки над многим заставила задуматься. Об этом говорили и сами старшеклассники. Но потом пришлось услышать и такое: «Зачем мы тратили время на Пелагею Амосову, когда на экзамене будет Пелагея Власова?»

Недавно я прочел две книги учителей литературы. В одной из них новосибирская учительница рассказывает, как нелегко ей

приходилось не только с учениками, но и с родителями их: «Даже тогда, когда в отношении к литературе наблюдался перелом, некоторые родители искренне считали, что их дети зря тратят свои душевные силы на постижение предмета, который им в жизни никогда не пригодится». Еще более горько о том же пишет московский учитель, создавший в школе поэтический театр: «Многие родители настроены крайне утилитарно. Их раздражает мысль, что можно заниматься делом, не дающим «никакого» практического результата... как часто ты ощущаешь себя наивным младенцем, когда доказываешь взрослому человеку, что прежде всего необходимо пробудить в ребенке живую душу, любовь к людям, восторг перед культурой, перед поэтическим словом, а он глядит на тебя с плохо скрытой насмешкой, а то и с явной враждебностью, ибо понимает, что встретил противника — того, кто отвлекает ребенка от жизненно необходимого для его судьбы дела».

Кто из учителей литературы не сталкивался с подобным утилитаризмом и прагматизмом в отношении к своему предмету? В том числе и среди самих учащихся, для части которых литература — это только учебный материл, а отметка за Пушкина важнее Пушкина.

«Душа в заветной лире». Лира, от которой отторжена душа, уже не та «заветная лира», да и вообще уже не лира. Между тем с разъединенностью души и лиры не так уж редко приходится встречаться.

Может быть, при этом и так: книги, театр, музыка, утонченная рафинированность, художественная изысканность, и все это вместе с поразительным равнодушием к нравственной сердцевине искусства, его духовной сути.

«Я боялся хотя бы на минуту забыть, — писал В. А. Сухомлинский, — о важной истине: литература изучается совсем не для того, чтобы через несколько лет по окончании школы человек готов был повторить то, что он заучил. Жизнь устраивает человеку экзамен на каждом шагу, и выдерживает он его своим поведением, своей деятельностью. Конечной целью изучения литературы является становление внутреннего мира человека — морали, культуры, красоты. Когда я видел, что подросток взволнован, потрясен художественным образом, когда, слушая произведение, он задумывается над собственной судьбой, — для меня это было несравненно важнее, чем то, что он дал точный ответ».

«Чувства добрые я лирой пробуждал». Можно знать Пушкина, разбираться в его творчестве, писать о нем сочинения, даже статьи и книги, больше того — любить Пушкина. И все же это не

главное. Главное — быть пробужденным Пушкиным.

Уроками нравственного «прозрения» назвал А. Т. Твардовский уроки литературы. Донести до своих учеников и своих детей нравственный пафос русской классики и современной советской литературы, пафос книг, воспитывающих подлинную гражданственность и подлинную человечность, — наша величайшая задача.

Лев Соломонович Айзерман

БЕЗЗАВЕТНОСТЬ ИСКАНИЙ

Главный отраслевой редактор *Р. Д. Станковская*
Ст. научный редактор *О. Г. Свердлова*
Мл. редактор *И. А. Иринархова*
Художник *В. А. Провалов*
Худож. редактор *Т. С. Егорова*
Техн. редактор *Т. В. Пичугина*
Корректор *Р. С. Колокольчикова*

ИБ 2243

А10739. Индекс заказа 92103. Сдано в набор 8.12.78 г. Подписано к печати 7.02.79 г. Формат бумаги 70Х100$^{1}/_{32}$. Бумага типографская № 3. Бум. л. 1,5. Печ. л. 3,0. Усл. печ. л. 3,9. Уч.-изд. л. 4,62. Тираж 453 560 экз. Издательство «Знание». 101 835, Москва, Центр. Заказ 2293. Ордена Трудового Красного Знамени Калининский полиграфический комбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Калинин, пр. Ленина, 5.

Цена 14 коп.

Индекс 70062

notes

Примечания

1

Литературное наследство, т. 70. М., 1963, с. 134—135.

2

Владимир Шубин. Аттестация зрелости. — «Литературное обозрение», 1975, № 5, с. 100—101.

3

«Новый мир», 1966, № 12, с. 249, 259.

И. С. Кон. Какими они себя видят. М., 1975, с. 20.

5

И. С. Кон. Какими они себя видят, с. 21.

Словарь по этике. Изд. 3-е. М., 1975, с. 284.

В. Фомин. Пересечение параллельных. М., 1976, с. 343—344.

«Юность», 1974, № 5, с. 67.

Материалы XXIV съезда КПСС, М., 1972, с. 51—52.

10

Материалы XXV съезда КПСС, М., 1975, с. 73

11

«Наш современник», 1976, № 9, с. 172.

12

М. Горький. Соч. в 30-ти т., т. 23, с. 315—316.